

18+

Антилогия
ХОРРОРА
2020

ЭТИ ИСТОРИИ ЛИШАТ ТЕБЯ СНА

Марта Кауц

Антология хоррора – 2020

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63176931

ISBN 9785005170934

Аннотация

Сборник рассказов от современных авторов специально к Хэллоуину! Мистические истории, пугающие городские легенды и шокирующие обряды. Не выключайте свет и не оставляйте книгу открытой. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	5
Варенье для Маши	5
Новая кукла	10
Дама сердца	13
Ворота рая	19
Гленофобия	24
Катенька	31
Хамон	34
Игра	38
Проводник	46
Зомбоящик	50
Подвал смерти	57
Зина	63
Кукла	66
Ты носи меня, река	71
Часть 2	78
Сванте, старик и ведьма Фрекен	78
Давайте жить дружно!	84
В тумане	91
История о Золушке	94
Дядюшка Мокус	98
Айболит	104
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Антология хоррора – 2020

Редактор Марта Кауц

ISBN 978-5-0051-7093-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Варенье для Маши

Быстрыми ловкими движениями Маша спешно заправляла белокурые пряди под рабочую косынку. Через пять минут на смену должен был выйти начальник цеха Коробков, и Маше ой как не хотелось оказаться с ним наедине в раздевалке. Она торопилась как могла. И даже почти успела, но у самого выхода запнулась о брошенные кем-то ботинки и рухнула плашмя на пол, аккуратно перед открывшейся дверью. Лёжа на выдавшем виды грязном линолеуме Маша услышала до дрожи знакомый голос. Сердце похолодело и замерло. Она подняла глаза.

– Мари, – повторил Юрий Иванович Коробков, – ну как же вы так. Он наклонился и помог Маше встать, не упустив случая как бы случайно провести ладонью по её груди и погладить чуть ниже спины.

Стараясь не подавать вида, Маша смущённо улыбнулась и поблагодарив Юрия Ивановича, попыталась мягко высвободиться из его не в меру ласковых объятий. Но это было не так просто.

– Мари, ну мы же договорились, что я для вас Юра. Просто Юра, – его красивые янтарные глаза подёрнулись масля-

ной плёнкой и в них заплясали красные искорки.

Теперь Маше стало по-настоящему страшно. Они здесь одни. Все девчонки ушли в цех, обрабатывать ягоды для консервации. Серёжка с другими парнями в гараже, скорее всего пьёт. Да и стоит ли рассчитывать на его помощь. В прошлый раз, когда Сергей отвадил от Маши Коробкова, то попросил потом как бы невзначай денег на бутылку. «Я ж за тебя, Маня, любого уделаю» – бил себя в грудь Котов. А потом ещё раз занял денег, и ещё. В итоге после полугода спонсорской помощи в кассу Сережкиного алкоголизма девушка взбесилась. Отчитала его так, что теперь Сергей отворачивается и даже не здоровается, проходя мимо. Последний рубеж сломлен самой Машей и больше ждать спасения неоткуда.

Коробков не думал отпускать Машу, а лишь прижимал к себе крепче.

«Странно, – подумалось вдруг Маше, – красивый же мужик. Статный, молодой ещё совсем. Неглупый. Отчего же такая жуть от него берёт. Точно труп рядом стоит».

Она впервые внимательно всмотрелась в его лицо. В ставших из карих бездонно чёрными глазах читалось желание. Он желал её иступлённо и страстно, точно дикий зверь, но выглядел при этом больным, почти мёртвым. Кожа побелела, на лбу выступили крупные капли пота, а ярко-красные губы растянулись в похабной и безумной ухмылке. Паника забила в висках, всё её существо кричало, что надо бежать от ЭТОГО, бежать и не оглядываться.

– Упырь, – не в силах сдержаться, тихо прошептала Маша, – чудовище. Прочь, изыди нечисть.

Коробков захохотал обнажая ряд мелких острых зубов. Когти, которые вдруг выросли за секунду из его пальцев больно впились в бок и локоть. Маша вскрикнула, но Юрий Иванович с такой силой рванул её на себя, что весь дух из груди девушки вышибло. Она не могла вздохнуть как ни пыталась.

– Ш-ш-ш-ш, тихо. Успокойся, маленькая птичка. Сейчас всё закончится, – холодный сухой язык коснулся щеки и Маша едва не потеряла сознание от ужаса и отвращения. Точно в бреду она свободной рукой нащупала в кармане маникюрные ножницы, которые обещала перед сменой отдать Лидке и забыла. Это было что-то живое, настоящее. Прохладная пульсирующая под пальцами сталь. Последняя ниточка, удерживающая её сознание в реальности на грани кошмара. Ножницы есть! Они в её кармане! Она здесь, и это не сон. У неё есть ножницы. Острые ножницы.

То, что было Юрием Ивановичем когда-то, держало девушку за волосы, запрокидывая назад её голову. Чудовищные зубы вот-вот должны были впиться в самое горло. Но Маша очнулась. Дернулась как запутавшаяся в нитках марионетка и со всей силы всадила ножницы прямо в глаз твари. Существо завопило, точно раненая собака и выпустило девушку из лап. Пока мелкие фонтанчики фиолетовой крови били из вытекающей глазницы Юрия Ивановича, Ма-

ша сидя на полу пыталась отдышаться и найти оружие более грозное. Утюг! Великолепно! Тяжёлый советский утюг, которым они отглаживают форму перед сменой. Теперь нужно встать. Всего лишь встать. Господи боже, пожалуйста.

Обессиленная Маша, приподнялась к тумбочке с утюгом и успела даже схватить край провода, как тварь, перестав вопить, кинулась на неё. Вдвоём они упали на пол. И тут девушку охватила ярость. Неужели вот здесь и сейчас она умрёт от зубов монстра. Так мало видела, только это треклятый цех. Ни кино, ни театров. Даже друзей не завела. А что с мамой будет, когда она узнает как погибла дочь? Мама же останется совсем одна! Нет, этого нельзя допустить! Красный туман заволок сознание, кровь бешено пульсировала в висках и пальцах.

Очнувшись Маша поняла, что сидит верхом на чудовище и со всей силы обрушивает тяжеленный утюг на его голову, в которой уже сложно угадать кому она принадлежала. Сплошное месиво из крови, костей и мозга. Девушка закричала и отскочила. Что будет теперь? Никто не поверит, что здесь был упырь. Что это нежить, а не человек. Маша пару минут подумала. Да, она знает что делать.

Когда все ушли на пересменку, Маша выкатила тележку с телом в зал и подвезла к самой большой металлической бочке, где закипало клубничное варенье. Она скинула его туда как есть, в саване из целлофана и обёрточной бумаги. После тщательно отёрла тележку от следов крови и вернула

её на место.

– Маша, ты где была? – звонкий голос Лиды прорезал тишину и вернул ощущение статичности и нормальности окружающему миру.

– Халат не могла найти, представляешь! – весело улыбнулась в ответ Маша, незаметно погружая тело мешалкой глубже в бочку. – пришлось домой бежать, благо недалеко.

Лида недоверчиво покосилась на Машу, потом обозвав растрёпой и тетёхой, вернулась к работе.

В шкафчике Маши, в потайном кармане её сумки лежали четыре пузырька с таблетками, которые она никак не хотела пить. Мама сказала, что только таблетки помогут Маше быть нормальной. Завести друзей, найти работу. Но от таблеток так часто болела голова. Краски вокруг меркли, всё становилось серым и скучным. И на этой неделе Маша захотела устроить себе каникулы, отдохнуть от таблеток и боли.

К сожалению, Юрий Иванович об этом не знал.

Елена Бурдыкина

Новая кукла

Сегодня утром папочка подарил мне новую игрушку. Я видела ее вчера в подвале, но все равно притворилась, что очень удивлена. Он знал, как давно я мечтала о кукле! Ведь предыдущая пришла в негодность ещё на прошлой неделе. Теперь она валяется на уличной лавке, глядя на меня своими дырявыми глазницами.

Мне немного стыдно смотреть на ее обезображенное лицо. Ведь, как и любой ребёнок, иногда я бываю слишком неаккуратной со своими вещами. Завтра папочка увезёт её на свалку вместе с остальными поломанными игрушками. А я смогу уделять больше времени своей обновке.

Я уже все придумала!

Мы будем играть в доктора. У меня есть целый медицинский набор. Маленький стетоскоп, чтоб слушать, как бьется сердечко. Молоточки, чтоб проверять рефлексы. Мне так нравится смотреть, как забавно дергаются ножки у хрупких кукол, когда я ударяю молоточком по коленной чашечке. Я смеюсь, когда слышу хруст ломающейся кости.

– Тихо, тихо! – шепчу моим куклам на ушко, если они слишком громко кричат, нежно поглаживая по волосам, чтобы успокоить.

Ещё у меня есть набор ножей, зажимов, скальпелей и иглолок. Я, подобно маленькому хирургу, вскрываю тонкую ко-

жицу моих любимых игрушек. Раздеваю их слой за слоем, внимательно разглядывая, что там внутри, липкие капли крови падают на пол, смешиваясь с их слезами. Я научилась доставать у кукол глазки, почти не повредив их. Они такие смешные. Чуть упругие и одновременно мягкие. Стоит только немного сдавить и хрупкий кокон разрывается, а по рукам льётся тёплая склизкая жижица. Иногда я слизываю её язычком.

А порой мне нравится мастерить моим куклам наряды, надёжно пришивая разноцветные лоскуты к рукам, ногам, спине и груди толстыми нитями. Замысловатый кровавый рисунок украшает куски ткани в местах швов. Но как бы то ни было, я забочусь о своих игрушках. Чтобы куклы служили дольше, я заливаю их зияющие ранки терпким медицинским спиртом. А когда мне надоедает слушать несмолкаемые голоса, я забиваю их рты ватой.

Сегодня я приберусь в комнате. Отполирую игровой столик, смою следы прошлых развлечений, чтобы новая кукла не обиделась, что она у меня не первая. До блеска начищу медицинский наборчик и застелю полы белоснежными хрустящими простынями. Ведь после обеда папочка принесёт мой подарок. Крепкими ремнями пристегнет тёплое тельце к металлической поверхности столика. А я с трепетом и восторгом буду рассматривать свою обновку.

Поглажу влажную от слез щёчку, проведу ладошкой по мягкой коже и волосам, успокаивая и даря свою нежность.

А когда всхлипы чуть-чуть утихнут, когда кукла доверчиво раскроет свои глазки, мы начнём нашу забавную игру...

Юлиана Еленина

Дама сердца

Старший продавец бутика женской одежды класса «люкс» Толя Пешкин наслаждался каждым днем, проведенным на работе. Эстетическая красота, окружавшая его, радовала взор и согревала душу. Стойки с дорогой женской одеждой, нарядные манекены, красивые продавщицы и холеные клиентки, благоухающие французскими ароматами.

Толя любил всех без разбора. Капризных покупательниц. Кассира Танечку с пухлыми, как сардельки губами. Работницу торгового зала тощую блондинку Ксюшу. Директора Нонну Андреевну, грудь которой за время двухнедельного отпуска чудесным образом увеличилось с нулевого до четвертого размера. И даже смазливую уборщицу студентку – Тайку любил, не смотря на ее интриганский характер.

Каждая была прекрасна по- своему, но разве могли они сравниться с дамой его сердца, ненаглядной Эрикой? Как же она была хороша. Грациозная осанка, высокие скулы, задумчивый взгляд.

Каждую субботу Толя лично выбирал для нее одежду. Помогал примерять, тщательно разглаживая руками несуществующие морщинки. За два года он изучил каждый изгиб ее стройного тела. Впадинки, выпуклости и легкую шероховатость на предплечье левой руки. Закончив примерку очередного платья, заправлял за маленькое ушко темную вол-

нистую прядь волос и неизменно шептал: «Прекрати быть такой великолепной». В этот момент ему казалось, что пурпурные, плотно сжатые губы вот-вот разомкнутся с томным вздохом.

Эрика была манекеном. Не таким, как другие бездушные пластиковые куклы с мертвым взглядом и волосами похожими на промасленную паклю. Она была особенной. Дорогой. Фарфоровой. Восхитительно шикарной. При виде ее у Толи перемыкали все тумблеры, отвечающие за энергию. Он впадал в ступор и часами любовался красавицей застывшей у центральной витрины.

О его любви к Эрике знал весь персонал. Посмеивались. Шутили по этому поводу. Но больше всех старалась недо-росль, глупая Тайка.

* * *

В канун Хеллоуина, на забаву клиенткам, бутик преобразился в локацию для фильмов ужасов. Искусственная паутина в углах примерочных. Зеркала с отпечатками «кровавых» ладоней. В хрустальных конфетницах красовались карамельные глаза и зефирные пальцы, а на диванах, дожидаясь жертв, застыли мохнатые пауки.

Вспотевшими от волнения руками, Толик выбрал для Эрики воздушное оранжевое платье из последней коллекции, но волшебное действие по переодеванию дамы сердца прервала директриса, усадив старшего продавца за отчет. Толя обиженно сопел над цифрами, когда другие гоготали

в голос, наряжая скелета Васю, принесенного, по случаю праздника, со склада.

Тайка вошла в кабинет директора без стука и грохнув ведром о кафельный пол, как бы, между прочим, сообщила: «Там Сурен твою бабу насилует».

Со скоростью спринтера Толя выскочил в торговый зал и онемел от увиденного. Дорогая его сердцу Эрика лежала на холодном полу совершенно нагая. Свернутая набок голова. Растрепанные волосы. Выдранные из пазов ноги.

Кладовщик, грубый, невежественный Сурен, похотливо обсуждал прелести Эрики, а Ксюша кокетливо хохотала, натягивая на стройные ножки манекена донельзя вульгарные чулки.

– Хватит пялиться! – с налитыми кровью глазами, Толя оттолкнул кладовщика и вырвал из рук продавщицы уродливый капрон с паучьим принтом. – Вам что, заняться больше нечем?

Трусливый Сурен мгновенно ретировался в зону нижнего белья, а Ксюша, приподняв татуажную бровь, едко заметила:

– Псих ты, Толя, тихий и опасный псих.

Толя с такой прытью кинулся поднимать Эрику, что, не рассчитав траектории, носком ботинка впечатал манекену в лицо. Фарфор хрупнул, а вместе с ним разорвалось сердце влюбленного продавца.

– Воды, – пересохшим горлом прохрипел он.

– А ужин из ресторана не заказать? —связвила Ксюша.

Тайка же, по доброте душевной, ногой придвинула ведро с грязной водой.

– Девочки, как вам не стыдно? – кассир Танечка сердито хлопнула губами – сардельками. Покопавшись в косметичке, достала флакончик бесцветного лака.

– Не критично. Всего лишь нос. Попробуем приклеить.

На шум прибежала Нонна Андреевна. Пока оценивала ситуацию, сложенными чашечкой руками проверила наличие груди и распорядилась деловым тоном:

– Монику на витрину, Эрику на склад!

Толик даже представить не мог подобной рокировки. Не бывать этому! Серая Моника с плоским, как блин лицом никогда не займет место Эрики.

Он выхватил у Тани флакон с лаком и как опытный пластический хирург приступил к операции. Закончив с ринопластикой, под насмешливыми взглядами нарядил Эрику в роскошное оранжевое платье, уложил волосы и в полном удовлетворении оглянулся на сослуживцев стоящих за спиной.

– Можно закрываться. Все свободны.

– И ты свободен, Толя, – директриса протянула руку, требуя вернуть ключи от бутика. – Уволен.

– Вы не можете меня уволить. Кто станет ухаживать за Эрикой?

В торговом зале наступила небывалая тишина. Даже глупая Тайка, без присущей ей издевательской ухмылки, опу-

стив глаза, усердно ковыряла носком ботинка сверкающий чистой пол.

Сдерживая слезы обиды, Толя выбежал на улицу, и, дождавшись за ближайшим углом ухода коллег, вернулся к светящимся окнам. Расплющив нос о стекло, как замороженный любовался красавицей в оранжевом платье, не замечая морозящего дождя и порывистого шквального ветра.

Он так долго вглядывался в прекрасное лицо, что в какой-то момент показалось, будто она вздохнула. Грустно, тяжело, безнадежно.

– Не плачь, милая, – Толя вытер рукавом катившиеся по стеклу дождевики.

Неожиданно пришло на ум, что рассеянная директриса хранит запасные ключи у охранника ресторана. В надежде, что весть о его сегодняшнем увольнении не успела разлететься по округе, стремглав бросился к соседнему строению.

Знакомый охранник с легкостью проглотил вранье о забытом в бутике телефоне, вручил ключи, пожурив для проформы растяпу.

* * *

Не обращая внимания на недоуменные взгляды редких прохожих и сигналы проносящихся мимо машин, Толя спешил добраться до места, где никто и никогда не обидит его даму сердца.

Дождь усиливался с каждой минутой, нарядное платье Эрики давно превратилось в неопрятную тряпку, а волосы

скатались в сосульки.

Оказавшись у подъезда, Толя сунул руку в карман. С досадой чертыхнулся. Ключи от домофона и квартиры остались на брелоке, вместе с рабочими ключами, отобранными у него директрисой.

Сглатывая слезы горечи, оно пустился на бетонное крыльцо. С трудом стащив с себя куртку, укутал промокшую до нитки Эрику.

От холода тело деревенело. Не сгибались конечности, и не было возможности разжать пальцы, державшие ледяное запястье манекена.

– Нас никто не разлучит, – подбадривая любимую, поси-невшими губами прошептал Толя.

– Нас никто не разлучит, – эхом отозвалась Эрика.

Рассвет встречали два манекена, глядя в серое, промозглое небо застывшими, безжизненными глазами.

Нэлли Стрежнева

Ворота рая

*Не семью печатями алмазными
В Божий рай замкнулся вечный вход,
Он не манит блеском и соблазнами,
И его не ведает народ...*

– Твоя душа столько времени скитается в пространстве, Анна, – Голос из темноты, как обычно, звучал уверенно и тихо. – Мое предложение все еще в силе. Подумай!

– Я уже думала! – девушка резко прервала Голос. – Ничего хорошего из этого не выйдет. Я тебе не верю.

Из темноты послышался хохот. Это повторялось из раза в раз. Он предлагал ключ от Ворот рая, а Анна никак не могла решиться принять его условия.

Голос стих. Она чувствовала его, знала, что он ждет ее решения. Девушка часто плакала от того, что это решение ей никак не давалось. Часто вспоминала тот день, когда ее судьба решилась: каждую мелочь, каждый звук. Анна помнила, как резким движением руки откинула красный мешочек и, вжав в плечи голову, упала под вагон. Стало темно.

– Мы же не раз звали тебя, Анна, – Голос звучал громче обычного. – Неужели ты и дальше готова бродить в темноте? В том, что случилось, нет твоей вины. Это жизнь! Ты выбрала свой путь, а теперь мы предлагаем тебе вновь изменить

судьбу. В раю ты сможешь обрести покой. Решайся.

Анна стояла неподвижно. Она представляла себе, как все произойдет. Легким движением руки она совершит то, о чем ее просят, и обретет покой. О нем она мечтала много лет. Ее душа хотела покоя.

– Я согласна!

* * *

На этапе подготовки девушка не проронила ни слова. Она внимательно слушала, изучала, думала. Голос не задавал вопросов, лишь говорил, что и как она должна сделать. Впервые за все время, проведенное в темноте, Анна осознала, что ей выпал шанс вернуться на Землю. Пусть ненадолго, но все же...

* * *

Неделя. Ровно столько ей отводилось на пребывание на Земле. Анна не могла поверить в то, что она снова может ходить по траве, вдыхать аромат цветов, наслаждаться солнечным светом и чувствовать легкое дуновение ветра. Девушка наслаждалась каждым мгновением, проведенным в большом городе. Москва. Как жаль, что ей не довелось побывать в дорогом сердцу Петербурге. Но мысль о том, что она живет, пусть даже не в своем человеческом облике, радовала ее с каждой минутой все больше.

Голос был рядом и не давал ей забыть о том, зачем она послана на Землю. День икс настал. Анна, как и было задумано, с самого утра отправилась в торговую лавку за продук-

тами. Сделав покупки и аккуратно сложив продукты в сетку, девушка отправилась к дому тем путем, что ей указал Голос.

В городе было многолюдно. Анна, оглядываясь по сторонам, быстрым шагом переходила дорогу. Перешагивая через трамвайные пути, девушка не заметила булыжник под ногой, споткнулась и ударила сеткой о землю. Бутылка разбилась, и масло вылилось на рельсы.

Девушка не понимала, что делать дальше. Голос велел ей укрыться за ближайшим домом.

– Оттуда можешь наблюдать. Будет интересно. Ты сделаешь свой главный шаг к покою, к жизни в раю.

Анна забежала за угол дома и стала ждать. Некоторое время ничего не происходило. Людей на улице почти не оставалось.

– Смотри, Аннушка, сейчас начнется все самое интересное, – Голос появился настолько неожиданно, что Анна вскрикнула. – Тише, тише. Нас могут заметить, а это сейчас совсем ни к чему.

Девушка стояла неподвижно. На улице появилась ватага мальчишек. Они бежали к трамваю и бурно обсуждали предстоящий спектакль. Учительница еле поспевала за ними, не прекращая напоминать детям о том, что необходимо быть внимательными.

Анна заметила трамвай, когда мальчики перебежали дорогу. Именно в том месте, где она пролила масло. Девушка наблюдала за тем, как ловко у них получается переско-

чить через рельсы. И вдруг она снова вскрикнула. Один из ребят был так похож на ее маленького сына. Мальчик как будто что-то почувствовал, посмотрел вперед, и их взгляды встретились. Именно в тот момент его нога угодила в пятно от масла, скользнула по рельсам и, потеряв равновесие, мальчишка упал.

Весь мир на мгновение замер. Тишину разорвал скрежет тормозов и крик вагонновожатой. Слишком поздно. Трамвай накрыл мальчика, и через мгновение на дорогу вылетел круглый темный предмет. Это была отрезанная голова ребенка.

– Сережа! – Анна, упав на колени и вцепившись руками в волосы, без умолку повторяла имя сына.

Только сейчас она поняла, какую жертву пришлось принести ради жизни в раю. Но ей такой рай был не нужен. Не было сил плакать, не было сил ненавидеть. Анна не могла даже умереть, чтоб заглушить всю свою боль. Она просто молчала.

Голос отдал ей ключ от Ворот рая, но она уже понимала, что была жестоко обманута. Анна носила его на груди, как напоминание о том, как дорого она заплатила... за то, что, наверное, и вовсе не существует. Много столетий девушка скиталась в темноте в поисках покоя...

*...Это дверь в стене, давно заброшенной,
Камни, мох, и больше ничего,
Возле – нищий, словно гость непрошенный,
И ключи у пояса его.
(Николай Гумилев)*

Татъяна Прохорова

Гленофобия

Никос внимательно изучал на экране место, куда они только что прибыли. Скачок прошёл удачно. Со-капитан – он же второй и последний член корабля – Роби отстегнул ремни и достал из бардачка первичное снаряжение – два черных бокса.

– Атмосфера нашей родной Земли. Можно без скафандров, – Никос тепло улыбнулся. – Не верится. Три года путешествий. И остался последний мир прежде, чем мы вернёмся домой. Интересно, он копия нашего или хоть чем-то отличается?

– Мы уже столько перевидали наших «копий»: Гримоландия, люди-комары, дино-эра, Бегемотирания, – Роби загнул по очереди пальцы. – Вот! Мира, где правят котята, мы ещё не видели.

– Не шути перед посадкой. Это плохая примета.

– Вернусь домой, первое, что сделаю, – открою шампанское, чтоб пена летела!

– Понимаю, – Никос взял свой бокс, надел страховочные браслеты и отправился на телепорт-платформу.

– Давай не будем тратить энергию корабля на лишнюю телепортацию? Туда и обратно.

– Только хотел предложить, – Роби встал рядом с капитаном, щёлкнул по браслету, и они исчезли с корабля.

Окружение изменилось. Как во сне, появились дома и заборы, образующие переулок. Под стопами хрустнуло что-то полое. Роби увидел, что приземлился на ноги разбитой на земле куклы неприятного бежевого цвета, внутри которой жижело то ли масло, то ли свернувшаяся слизь. Части её тела напоминали полноценные протезы, а разбитая голова – человеческий череп. Роби поморщился и отопнул осколки в сторону.

Никос огляделся и включил электронный журнал:

– Заметка капитана исследовательского корабля «Горизонт-6»: Земля 235-ая. Дома и улицы по строению такие же, как и на Земле 2056-го при нашем отбытии, – он потрогал стену. – Материал пористый, под ногами асфальт, тоже пористый. Запах... Синтетический.

Роби прошёл вперёд, осматриваясь. В переулке что-то зашевелилось в черных мусорных пакетах. Роби открыл свой бокс и вытащил оттуда клещи. Прицелился и сделал выпад. Плененное существо запищало, но вырвалось, и исследователь не успел его рассмотреть, только почувствовать, что существо было твердым, размером с крысу, но лёгким. В клещах осталась сплюснутая лапка, сильно отдающая целлофаном. Она отправилась в бокс.

– Никос, чёрт побери. Ты глянь на это!

Второй капитан вышел из подворотни, и в лицо ему ударило сияние утреннего города. Звуки машин, обрывки разговоров, цокот каблучков, прохладные силуэты.

– Куклы??? – воскликнул он.

По улице взад-вперед ходили пластиковые на вид люди в натуральный человеческий рост. Их движения не выглядели механическими, но все же и не были естественными. За прилавками, на машинах и даже спортсмены, пробежавшие мимо, – все куклы.

– Запись два. Самый густонаселённый пункт на Земле 235 изобилует гражданами искусственной внешности, напоминающей пластиковые куклы с правильной анатомией, предположительно также искусственного происхождения. Планируем вступить в первый контакт.

Никос убрал браслет.

– Эй, ты чего?

Роби нервно вцепился рукой в угол здания. И смотрел на всё исподлобья.

– Отвратительно. У них всех совершенно стеклянный взгляд.

– Да, я тоже поражён. Здесь не стоит оставаться долго, – Никос отправил ему сообщение с номерами. – Встретимся через час на этом же месте и телепортируемся. На сбор образцов хватит.

– Помнишь переулок?

– Что?

– Тот, из которого мы пришли. Та кукла на земле – это был труп?

– Если так, то смотри на это как на первый образец.

И не унывай, помни, наше путешествие подходит к концу.

Никос похлопал по плечу товарища, но увидел, что тому совсем не по себе.

– Что-то ты побледнел. Запахи так повлияли? Лучше будь здесь, если нужно – телепортируйся. Поверь, если что, с местной медициной лучше не сталкиваться.

Роби кивнул. Никос просканировал рекламный плакат и распечатал две маски на ручном 3D-принтере. Одну отдал Роби, вторую надел на себя и пропал на фоне толпы.

Роби прижался лбом к холодной стене, досчитал до десяти и провел дыхательную гимнастику. Само существование этого мира – насмешка; над его жизнью, его статусом, над ним. Он напоминал театр абсурда, где в конце сюжета зрителя объявят сумасшедшим.

Когда ему было одиннадцать, родители в дом привезли коробку ростом с него, лимонного цвета с мраморным узором. Она предназначалась старшей сестре. Родители ему тайком показали, что в ней, и тогда он впервые увидел реалистичную куклу. Роби и раньше видел у знакомых, но эта...

«Уберите из коридора! Она же как живой труп сидит!» – Роби и сам не знал, что на него находило. Кукла оказалась слишком крупной для комнаты сестры и переместилась в коридор.

С Роби сходило семь потов, когда он просто переходил из комнаты в комнату. Это неопишуемое чувство, когда за твоей дверью круглые сутки сидит человек – глаза недви-

жимые, стеклянные, но взгляд следит за тобой. Внимательно, пристально. Ещё немногим – и он встанет, встанет и...

Куклу не убрали. Сестра нескоро переехала, чтобы увезти её с собой. Но прежде чем это произошло, родители нашли разбитые останки этой куклы под окном Роби. Ночью, нестерпимо хотя в туалет, он выскочил в коридор, и его мочевого пузыря опорожнился прямо там, от ужаса. Кукла смотрела неумолимыми глазами. Он мог поклясться, что видел, как она пошевелилась и попыталась подняться.

Сейчас такие же куклы шли непрерывно рядом с живым Никосом и смотрелись, как толпа людей, забывших за суетой, что они когда-то умерли.

* * *

Никос остановился и погладил пальцами автомобиль. Не металл, синтетическая составляющая. Из чего же, интересно, состоят местные?

Тут он заметил за машиной в переулке пару. Судя по всему, мужчина боролся с женщиной, силуэты их отличались. Борьба переходила в отчаянную, было ощущение, что он старается задушить ее. Никос не сдержался, перекатился через автомобиль и врезал по обидчику. Искусственный мужчина отшатнулся, поднял неморгающие глаза на незнакомца и попытался. Пройдя так несколько шагов, он развернулся и дал стрекача. Очевидно, маньяк, такие не допускают свидетелей, но и напролом тоже не идут.

Женщина скрестила руки на груди, молча прикрываясь.

Одежда с её плеч свисала лоскутами. Разглядывая обнаженные сочленения, Никос заметил, что по сути она вся состоит из сборных протезов. Технически её можно легко разобрать и собрать.

Она так и не проронила ни слова и молча ушла. Вот доброе дело сделал. Правда, нарушил важное правило – не вмешиваться. Но он не смог. Это слишком сильно укоренилось в его привычке. Зато контакт установлен.

Пока он размышлял, вернувшись к изучению автомобиля, не заметил, что что-то пошло не так. По его плечу постучали. Он обернулся. Болезненный удар сбил его с ног, а второй пришелся по затылку и погасил мир вместе с сознанием.

* * *

Роби топтался на месте, но все же переборол себя. В этом мире он лишь раз, и даже если ему здесь не по себе, как учёный сто раз пожалеет потом, что проторчал на Земле 235 у стенки, как побитый школьник.

Шаг за шагом он отошел от переулка и двинулся к дорожке, где дрейфовали пешеходы. Но как бы он ни пытался отвлечься, понял, что с каждым шагом его все больше подташнивает. Упрямством не получилось взять вверх. Он попытался развернуться назад, но носом уткнулся в большое пластиковое нечто. И пожалел, что поднял голову. Та самая кукла! Лицо, одежда, мертвые осуждающие глаза – все то, что он в детстве «казнил», выбросив в окно!

Роби закричал и отпрыгнул в сторону. Но раздался авто-

мобильный гудок и следом сильный удар в правый бок откинул его. Больше он себя не помнил.

Роби очнулся от того, что ярко что-то светит в глаза. Он все ещё на улице? Тогда почему слышен только ропот?

Он приподнял веки и попытался загородить их ладонью. Но руки не отвечали. Запах какой-то химии. Он где находится?

Роби с трудом повернул голову и увидел, что у него отсечены руки. Его рот открылся, но не смог издать ничего, кроме нечленораздельных звуков: онемел язык. Он с трудом перекатил голову, чтобы посмотреть ниже. Ноги отсечены тоже, лежат на столике рядом с грудой пластиковых протезов. И рядом – готовые к пересадке стеклянные глаза.

– Нет! Я не хочу быть таким! Вы все мёртвые! Разве вы не видите? Как вы не понимаете?! Я не выдержу этого! Я же человек!

Ольга Андрееenkova

Катенька

Я разрезала свою Катеньку на части. Полоску за полоской. Кусок за куском. Каждый надрез я чувствовала это. Будто-бы режу своё собственное сердце. Будто держу нож за лезвие. Тело сводило судорогами, а по щекам текли слёзы.

– Мама, не плачь. Мне становится грустно, когда ты плачешь, – сказала так, словно не у неё я отрезаю пальцы ног, что когда-то целовала.

– Я постараюсь, милая. Постараюсь, но ничего не обещаю. Как твой день прошёл? – я вытерла слёзы фартуком, оставив на щеке алую, словно кровь моей дочери, дорожку.

– Ой, да как обычно, мам, – Катенька слабо рассмеялась. – Шарили с ребятами по развалинам, искали патроны.

– На кой они вам, ума не приложу, – выдавив из себя жалкую улыбку я покачала головой и аккуратно надрезала ахиллово сухожилие.

– Ну как же это зачем? Ну вот кончится война, пройдёт много лет, и прапраправнуки Стаськи продадут их на чёрном рынке и станут богатыми!

– Но ты ведь этого уже не увидишь, – я вздрогнула от собственных слов и мгновенно поправилась. – Это ведь будет лет через сто.

– Зато меня вспомнят! Вспомнят не как двоюродную прапрабабку, о которой быть может пару раз в жизни слышали.

С благодарностью вспомнят, мам. Это для любого человека важно, свой след оставить!

Так за непринуждёнными разговорами я добралась до таза. Доченька моя уже не могла терпеть боль и плакала. Плакала, словно ей было не пятнадцать лет, а шестьдесят. Без звука. Без слёз. Взглядом плакала. И тем не менее – это был наш с ней самый последний разговор, и мы не собирались замолкать ни на секунду. Мы пытались придумать, из какой части лягушки раздаются кваки, скучает ли солнце по луне, почему чёрно-белый телевизор не считается цветным, есть ли жизнь после смерти, какие сны видят слепые...

Мы всё говорили и говорили, а я продолжала кромсать свою доченьку, обращаясь с каждым кусочком как с самым великим сокровищем. Катенька говорила всё тише. Всё медленнее говорила.

– Мам, – сказала та, что я девять месяцев носила под сердцем и пятнадцать лет внутри него.

– Мне пора, мам, – сказал самый близкий мне человек, пока я счищала мясо с её рёбер.

– Спасибо тебе, мама, – сказала та, чьего голоса я больше никогда не услышу. И я вырвала сердце из её груди.

* * *

– Кушать подано! – жизнерадостно сказала я и поставила перед Стаськой, своим сыном, тарелку с тушёной картошкой и мясом. И мяса было намного больше, чем всего остального.

Вначале он непонимающе посмотрел в тарелку. Но чем

дольше он вглядывался, тем круглее становились его глаза.

– Мясо??? Откуда, мама? Я уже и не помню, когда в последний раз его ел! – воскликнул он и схватился за ложку, но в последний момент остановился. – Надо Катьку позвать!

– Кушай, сынок. Катя уехала на несколько недель в город.

– А ты?

– А я не голодна, – устало ответила я.

– Мам, ты со среды не ела ничего. Я же видел.

– Аппетита нет. Кушай, набирайся сил. И если что, не стесняйся просить добавки. У нас теперь много еды.

Устав спорить, Стаська начал жадно поглощать свою порцию:

– Мам! Как вкусно! Ничего вкуснее не ел!

– Это потому, что там любовь, сынок.

Евгений Филоненко

Хамон

День выдался такой солнечный, что даже сейчас, вечером, через тину пробивались настойчивые лучи, несмотря на то, что я утром зарылась довольно глубоко. От слабости покалывало кончики пальцев. Если я в скором времени не начну питаться постоянно, то боюсь, меня не отпустит моё странное видение.

Наверху что-то резко хлопнуло, и раздался ликующий возглас. Наверное, Васька уже поднялась, да рыбу поймала. Я перевернулась на бок. Сколько себя помню, рыбы в нашем озере водилось немного. Да и та костлявая. Приходилось жить от консервы до консервы, хотя они появлялись ещё реже.

Васька рассказывала, что до меня у неё другая подруга была – Мара. Тогда и вялки, и рыбы было вдоволь: хочешь так ешь, хочешь хумус да балык делай – красота. Долго они так жили, пока однажды мужики подругу на вилы не поймали, да не размотали всю, а потом со страху – сожгли. От воспоминаний, по коже побежали мурашки.

До меня снова донёсся хлопок – наверняка Васька звала на завтрак. Нехотя, стряхнув с себя остатки мусора и песка, я поднялась наверх. Так и есть, на темнеющем берегу, улыбаясь, сидела подруга, а в руках держала двух тощих карасей.

– Ну, что, соня, пора перекусить, – она положила на обло-

мок доски рыбу и кивнула на камыши, хорошо освещённые лунным светом. – Я пока разделаю, а ты вялки принеси.

– И тебе привет, – буркнула я в ответ. – Может всю принести? – я с надеждой посмотрела на подругу, но натолкнулась на суровый взгляд.

«Блин, наверняка у неё свой тайник есть! Крыса!» – я оттолкнулась от берега и поплыла к тайнику, где мы хранили запасы мяса. Ржавая железная бочка, уходившая половиной своей огромной туши под воду, звонким эхом ответила на моё прикосновение к крышке. Я с трудом достала со дна несколько ароматных кусочков. Вот откуда у Васьки столько выдержки? Ну как можно всё сразу не съесть-то? Я вздохнула и плюхнула крышку обратно. И вдруг, сквозь оглушительный звон, услышала знакомый шум-шуршание – консервы!!!

– Васька, Васька! – я изо всех сил погребла к месту, где по-прежнему сидела подруга, красиво разложив тушки карасей. – Консервы! – запыхавшись, выдала я и вылезла на берег.

– Много? – в глазах Васьки заблестели голодные огоньки.

Я кивнула. Ага, она всё-таки тоже голодная! Злость на подругу немного погасла.

– Ладно, давай, поешь, сил наберись, – она накинулась на еду. – Консервы так не возмёмшь.

Через полчаса, когда мы покончили с мясом, Васька тихо скользнула в воду и поплыла к берегу, откуда слышались человеческие голоса. Я последовала за ней. В камышах мы при-

таились, стараясь не привлекать к себе внимания и не хлопать хвостами.

– Смотри-ка, уже и палатку разбили. Никак с ночевой приехали, – усмехнулась Вася. – Тогда пошли, отдохнём. Сейчас они в себя отравы-то вольют, да нам задачку облегчат.

Подруга махнула рукой и нырнула на глубину, но я так и осталась на месте. Внутри сидело беспокойство, не давая возможности последовать за Васькой. Складывалось впечатление, будто что всё это было, только... по-другому. Стараясь успокоиться, я легла на воду, подставив бледный живот лунным лучам, прикрыла глаза и погрузилась в дрему.

– Не лезь в воду, говорю, – знакомый голос парня выдернул меня из тумана.

– А то что? – капризно спросил звонкий женский голос.

– У него же бывшая в русалку превратилась, – хохотнул грубый голос. – Тело-то не нашли, вот он и поверил полоумной старухе, да, Антох?

– Да ничего я не поверил и не боюсь! Я с вами...

Больше я ничего не слышала, но ощутила, как падаю в тёмную глубокую яму. Желудок напрягся, словно хотел извергнуть из себя мой скудный ужин. «Антоша...» – губы сами выдохнули это имя. Моё видение, которое появлялось всякий раз, стоило мне закрыть глаза, вспыхнуло, будто реальное: вот сумасшедшая бабка у подъезда, которая, завидев меня, закричала «Русалка!», мой приезд на это озеро вместе

с другими людьми в консервных банках на колёсах («мои клечки» – любовно звала их Вася), странно одетая девушка, вышедшая из леса с корзинкой в руках, Антон и моё купание... последнее человеческое купание. Дальше тьма и пустота...

Я с недоумением взглянула на Васю, которая неожиданно выплыла рядом. Это же она выходила из леса в тот день! Но... почему...

– Скучно мне было одной, – равнодушно произнесла подруга, с интересом посматривая на берег. – Марку-то поймали мужики из соседнего села, а мне что прикажешь?

Мы еле управились к утру. Это вам не шутки, заготовить из шести человек вялки, как называла это Вася, а мне чем-то напоминало хумус, который мы с Антоном очень любили! Уставшая, я сидела на берегу и нежно гладила руки любимого, висящие на нижней ветке, и вспоминала, как когда-то он меня ими обнимал.

Спасибо тебе, Антоша, спасибо. Теперь мы с Васей протянем ещё немножко.

Алекс Рыбак

Игра

Мысли мешались. Было впечатление, что они собрались в кучу в одном месте и старались перекричать друг друга. Совершенно невозможно было определить которую из них думать. Из всего тела я ощущал только одну голову. Только это вместилище, в котором беспорядочно, как клубок змей, роились остатки фраз, мыслей и что-то еще. Постарался ухватить хотя бы одну – ускользает.

И вдруг вспышка – воспоминание: голос, совсем без эмоций, простая констатация фактов.

– Будет не больно, но интересно. Не сразу, потом. Когда начнешь приходить в себя. Очень медленно. Сначала очнется голова. По крупицам начнет возвращаться сознание. Как жаль, что я не смогу заглянуть тебе в голову и услышать все твои мысли. Это было бы забавно. Тело подключится позже. Очень не сразу, часами тебе придется ощущать свою немощь. Но через это надо пройти. Итак, приключение начинается!

Да, точно. Он сделал мне укол. А потом – потом ничего. Надо понять, где я, кто я и что теперь я? Пробую ощутить тело – его нет. Я не чувствую его. Совсем. Только место, где в безумной гонке носятся мысли, обрывки мыслей. Надо обратиться и постараться успокоить голову.

Думать не могу, и не думать не получается. Хоть реви!

Реветь тоже не могу. Даже представить в какой стороне ноги и где руки – не могу!

Он сделал мне укол. Зачем? Последнее, что я помню, его фраза:

– Почувствуй себя Буратино!

Что это значит? Я вообще не чувствую себя. Глаза! Это очень неприятно, но глаза открыты. Странно, что я только сейчас это заметил. Но я не могу моргать. Слизистая пересохла. Слезы уже не хватает. Видимо, я уже длительное время нахожусь в таком состоянии. Смутно, но различаю предметы. Итак, где я?

Прямо перед глазами возвышается что-то. Не понимаю, что, но очень напоминает ногу, стопу. Моя? Постарался ощутить свои ноги – тщетно. Меня расчленили и побросали кусками? Но почему тогда не больно? Это жуткое будущее быть живым обрубком. Что еще отрезали? Голову не отделили от тела, иначе уже умер бы. Неужели оставили лишь обрубок: тело плюс голова? И поэтому я не ощущаю ни рук, ни ног?

Перспектива жить в подобном состоянии пробила слезу. Спасительную слезу. Она омыла глаз. Я вижу! Да, это стопа человека. Но не моя – ногти окрашены ярко-красным лаком. А я мужик! Как минимум был мужиком. Новая порция слезы собралась в уголках глаз и дала слизистой так необходимую ей влагу.

Теперь картинка стала более ясной. Я не в помещении, вижу опавшую желтую листву. Насколько хватает обзора –

части человеческого тела. Я в морге? Нет, я на улице, это точно. Чьи тела? Братская могила? Здесь орудует маньяк? Нет запаха. Никакого. А если меня еще не резали на куски, если это мне только предстоит испытать?

Я не хочу боли. Сейчас я ее не испытываю, но ожидание боли страшнее самой боли. Боль многогранна, разноцветна, но чаще кроваво-красная. Боль бывает пронзительной. Кричащей. Она острая. Но, порой она тягучая и тогда бесконечная. Тогда не дождешься окончания этой боли. Она заполняет все. Интенсивность боли меняется, давая ощутить ее максимально. Но хуже всего боль периодическая. Когда точно знаешь, что она придет снова и снова. А передышка дана только для того, чтобы ты ощутил ее с полной ясностью, во всей красе. Страшна уже не сама боль. А ее ожидание.

Все еще не могу двигать глазами, но ко мне возвращается слух. Звуки плохо различимы. Но я слышу голоса. Обращаюсь весь в слух, стараясь получить максимум информации. Это мальчишки. Говорят быстро и возбужденно, слов не разобрать.

– Да не дрейфь, ты! Мы с Максом сюда уже приходили не раз!

– Это точно не люди?

– Конечно! Это свалка андроидов. Их потом пустят в переработку. Кого-то на запчасти разберут.

– Уж больно на живых людей походят. Врешь ты все! Никаких андроидов не бывает.

Про андроидов я тоже ничего не слышал. Мелюзга вечно придумывает байки всякие. Но это бы многое объяснило. Если закричать, возможно, они услышат и помогут. Я стараюсь кричать, но понимаю, что крик мой остался только в мыслях, я до сих пор не осознал с какой стороны у меня рот.

– Смотри какая красотка, как живая.

– Иди потрогай!

– Ага, а она меня за руку бац и схватит.

– Да она пластиковая, обтянута экокожей. Смотри, какие сисяндры.

– Дурак ты!

– Может и дурак, зато, когда на такой попробуешь, с живой уже не испугаешься.

Я уже четко различаю, о чем говорят эти два придурка. Надеюсь, мне не придется наблюдать, как эти малолетки постигают азы любви с пластмассовыми куклами.

– Смотри, какое чмо. Нос длинный. Давай сломаем ему, укоротим.

– А по ушам не получим?

– Ну он же не закричит.

Слышу звуки, возню какую-то, гогот. Видимо им удалось задуманное, и они остались довольны содеянным. Стоп! А если им во мне не понравится что-то, и они решат укоротить или сломать? Я кричу, я ору! Но ни звука не раздается. Нет, нет, не ходите в мою сторону!

Снова пытаюсь шевельнуть руками – ничего. Я обратился

в слух, только бы шли не в мою сторону. Прочь, упыри малолетние!

– А слабо вон тому в рот попасть?

– Чем?

– Да хоть камнем вот, щебенки много.

Интересно открыт ли у меня рот? Не понимаю. Но, кажется, это не про меня. Слышу звуки, свидетельствующие о том, что подростки кидают камни и промахиваются.

Вдруг меня как будто током дернуло – я ощутил покалывание в пальчиках правой ноги. Ура! Одна нога точно есть! Пробежался по остальным частям тела – глухо. Но ногу начинаю чувствовать. Ей холодно. Очень холодно. Мысленно прощупываю себя, пока ничего. Надолго в себя уйти нельзя, здесь они бродят. Мало ли что им еще в голову взбредет!

Затишье. Ушли что ли? Это хорошо. Глаза начинают двигаться. Смотрю по сторонам, на сколько хватает обзора. Я вкопан? Опустив глаза вниз, я вижу землю. Нос наружу, а рот уже под землей. Левое ухо, кажется, тоже закопано. Половина лица на поверхности, получается. Начинаю чувствовать холод. Он судорогой прокатывается по тем частям тела, что я начинаю ощущать.

Рот в земле, даже если вернется чувствительность – не закричишь. Но нос наружу – значит, смогу мычать, тем самым привлечь к себе внимание. Пробую –дохлый номер. Пока не возможно. Ждем.

Голоса снова привлекли мое внимание. Теперь их больше.

– Да говорю тебе, место клёвое, оно огорожено, но охраны нет.

– Сам увидишь! Мы с Максом тут были полчаса назад. Вон там можно пролезть.

– А как поиграем?

– А проверим тебя на целкость. Вон видишь морду чувака, у него еще глаза выпученные, видишь?

– С рыжими волосами что ли?

– Я другого хотел, но этот даже лучше. Короче, скидываемся по полтосу, берешь камень и должен попасть прямо в глаз. Кто попал – тот все бабосикизабирает.

– Круто! Давай! У меня пятихатка только. Так что на десять ударов как минимум хватит.

Я вдруг отчетливо услышал биение своего сердца. Голоса раздавались в непосредственной близости от меня.

Бац!

– Мазила! – заржали двое.

– Сам-то попробуй!

То там, то тут приземлялись камни. Вся моя жизнь превратилась в ожидание. Я четко прослеживал путь: берет камень, прицеливается, полет. Удар. Мимо! Вздох облегчения. Пока мысленный, дышать до сих пор не могу. Не чувствую как я это делаю.

Ты-дыщ! Удар взорвал мою голову вспышкой боли. Камень прилетел в нос. Я услышал громкий хруст. Глаза снова налились слезами. Один из уродов попал в переносицу. Зна-

чит, целятся в меня. Нет, нет, здесь еще много вариантов, отстаньте от меня! Боль! Она разлилась по всему лицу. Уже не различаю, о чем говорят эти три уродца. Желание выско-чить из этого земляного плена и открутить им бОшки!

– Целься лучше, у тебя последний полтос! Прокосячишь – вылетаешь из игры!

– В этот раз попаду в самое яблочко!

Он кинул. Я мысленно сжался. Только не в нос!

Я не успел додумать – каменюка ворвалась в глазницу, разорвав глаз. Что-то теплое потекло по щеке.

– Попал!

– Красава!

– Это что кровь что ли?

– Где?

– Из глаза.

– Какая кровь у роботов? Это имитация. Но клево так, как настоящая, да?

– Говорю тебе, кровь!

– Посмотрим?

– Ссыкатно.

– Так все вместе пойдем.

– А если кровь, то, что делать будем?

– Вон бульжник большущий какой.

– И чё?

– Берем его и втроем со всей силы кидаем на бошку ему.

Если робот, то пофигу, а если нет, то он уже ничего не ска-

жет.

– Не, ребят, я не с вами!

– Зассал!

Молодец какой, сопротивляйся! Мне еще немного времени надо, я почти все тело ощущаю. Еще немного и смогу выбраться, одна рука точно не закопана, чувствую, пытаюсь махать ею, чтобы внимание привлечь.

От мыслей отвлекает звук шагов. Несут что-то тяжелое. Вижу их! Вижу огромный камень, что летит прямо в голову. Не успел. Чуть-чуть.

Евгения Семёнова

Проводник

Ночь вступила в права. Она вскарабкалась на трон, и закинула посёлок покрывалом. Местность погрузилась в черноту. И как, скажите на милость, путнику в кромешной тьме найти нужную тропинку?

Динке не спалось. Нет, она хотела уснуть, но ей что-то мешало.

Комната тонула в тишине. Глаза Динки слипались. Невесомое тело, растекшееся по простыне, отпускало хозяйку в царство Морфея. Правда, как только она пыталась пройти границу сна и яви, перед воротами начинала падать в яму. Разум вспоминал, что тело не умеет летать и просыпался. Мышцы напрягались в поисках опоры.

Никак у Динки не получалось насладиться свободным падением.

Девушка крутилась, пыталась найти удобное положение, расслабиться и удалиться в мир снов, но страх полёта возвращал ее в реальность снова и снова.

От возни простыня собралась бугорком под спиной. Рёбра ощущали пружины дивана.

Динка устала и порядком вымоталась.

«Пойду, водички хлебну, и пустырника отмерю капель десять. Заодно гляну, сколько у меня времени осталось».

Динка коснулась босыми ногами пола, ощутила жжение

в стопах от холода и лёгкую судорогу в ноге. Откуда-то сквозило.

«Странно. Я дверь запирала. Неужели забыла?»

Девушка стянула со спинки стула шаль, и укуталась в нежный пух. Застывшие пальцы спрятались в тапках.

Динка оказалась в коридоре. Там её внимание привлёк жёлтый свет. Он сочился из-под двери маленькой комнаты.

«Мало того, что не заперлась на ночь, так еще и люстру не выключила, – подумала Динка и прислушалась. Из-за двери доносились скрип кровати и сопение.— Похоже, я телевизор не вырубил, а ночью по кабельному эротика показывают».

Динка потянула дверь и передернула плечами от неожиданности.

На кровати с панцирной сеткой, поверх убранный постели, сидела её мать и качалась. Вверх – вниз. Вверх – вниз. Комнату освещали люстра и бра.

От яркого света у Динки зажгло глаза, будто перец в них попал. Крупные слезинки покатались по щекам.

Ситцевое платье василькового цвета с отрезной талией подчеркивало фигуру матери. Копну каштановых волос покрывал белый платок.

– Мам, как здорово, что ты приехала! – воскликнула Динка, и ладонью размазала влагу по лицу. Она подпрыгнула в воздухе и приземлилась на кровать рядом с мамой. Обвила руками её хрупкое теплое тело и поцеловала в щёку.

Мать молчала. Лишь морщинки собрались лучиками в уголках глаз, а губы растянулись в улыбке и немного обнажили зубы.

Динка втянула ноздрями воздух и закатила глаза. От мамы пахло размоченным берёзовым веником и прелой травой.

– Мам, ты баню истопила и попарилась? Я не слышала. Мне надо тебе так много сказать. Где ты была? Целый год ни духу, ни слуху. Злые языки болтали, что ты в лес ушла и сгинула. Как хорошо, что это всего лишь сплетни. А у меня столько всего произошло, – сказала Динка и залилась звонким смехом. Она сильнее притянула мать и заглянула в её глаза. – Представляешь, мы же тебя похоронили. В этом платье в гроб положили, закопали и крест поставили. Пойдём на кладбище, я покажу твою могилу.

И тут Динку тряхнуло, будто током ударило. Во рту появился металлический привкус, перед глазами задрожал воздух, смешивая цвета. Она посмотрела на родительницу.

Выражение лица матери не изменилось от слов дочери. Она лишь повернула голову в сторону зеркала, висевшего на стене.

Динка посмотрела в отражение и почувствовала, как невидимая ледяная рука коснулась её затылка и подняла волосы на голове. Колючий ком встал в горле. Она открывала рот, жадно хватая воздух, но он застревал.

По ту сторону стекла девушка увидела одно отражение.

Мама улыбалась и раскачивала кровать только здесь в комнате.

Динка не могла оторваться от картинки. В зеркале происходило ее преобразование. Кожа сползала лентами со лба, щёк и оголяла мышцы. Русые пряди отваливались пучками, глаза провалились в глазницы и те зияли чернотой.

* * *

Ветер завывал в печной трубе. Входная дверь болталась на шарнирах, шумела. Хлопала. Не то встречала, не то провожала.

Мёртвые жухлые листья кружились в доме и устилали пол. Динка с закрытыми глазами лежала на старой кровати с панцирной сеткой, свернувшись калачиком.

– Спи, моя девочка. Спи. Я пришла за тобой. Скоро ты увидишь...

Луна раздвинула покрывало ночи. Она щедро дарила холодный свет пространству. Помогала путникам найти нужную тропинку.

Людмила Лазукова

Зомбоящик

Эта история началась пару месяцев назад, и никто не мог предположить, каким кошмаром она обернется.

В то утро меня разбудил телефонный звонок.

– Да? – спросонок протянула я.

– Светка, ты что дрыхнешь до сих пор? – затараторила в трубку моя подруга Катюха, с которой мы учились в одной группе универа. – Все проспичь. Давай собирайся! У меня для тебя крутая новость.

Едва я вошла в здание учебного корпуса, Катюха схватила меня за руку и оттащила в сторону.

– Я нашла нам квартиру!!! Возле парка, там воздух отличный и тишина! Плюс, у каждой из нас будет собственная комната! Шикарный вариант, сегодня едем смотреть.

– Двухкомнатная квартира возле парка? – с сомнением протянула я. – Мне кажется, это дороговато для нас. Вряд ли стипендии и подработки хватит на оплату аренды.

– Цена – самый главный плюс. – Катюха наклонилась и зашептала мне в ухо. – Всего 10 тысяч в месяц.

– Ну, не знаю. Странно все это...

– Да за такую цену только хрущевку однокомнатную у черта на куличиках снять можно. Пока ты будешь думать, кто-нибудь еще ее займет. Давай, давай, съездим – посмотрим хотя бы...

Меня кольнуло нехорошее предчувствие, но я списала это на недосып и стресс. С Катюхой сложно было спорить.

Маршрутка, в которой мы ехали, постепенно пустела. Кроме нас в ней осталось два гастарбайтера и старушка с большой сумкой.

– Ну, скоро уже выходить? Почти до конечной доехали.

– Сейчас, подожди. Спрошу у водителя.

Катюха пересела поближе к дверям и обратилась к водителю:

– Подскажите, скоро до Октябрьской доедем?

– Октябрьская длинная. Тебе куда конкретно надо?

– 325-б.

– На следующей выйдешь и пешком через парк пойдешь.

Дом на отшибе. Он там один такой.

Бабка едва заметно перекрестилась, а таджики посмотрели на Катю с сожалением.

– Нэ надо туда ходить, дэушка. Там ... (тут он произнес несколько непонятных слов на родном языке).

Я уже жалела, что послушала подругу, но она лишь отмахнулась.

Мы вышли из «газельки» и стояли у края дороги.

– И куда теперь? – поинтересовалась я.

– Туда, кажется, – Катя махнула рукой в сторону зеленого массива и бодро зашагала по растрескавшейся асфальтовой дорожке. Я уныло поплелась за ней. Старый парк больше походил на лес – толстые стволы деревьев причудливо изгиба-

лись, ветви сцеплялись друг с другом, образуя купол, сквозь который почти не проникал свет. Молодая поросль беспорядочно торчала там и тут. Валялись сухие ветки – видимо, никто уже давно не облагораживал это место.

Вдруг среди стволов стали видны покосившиеся ржавые кресты и осыпающиеся каменные надгробия. Кладбище!

– Катька, куда ты меня приволокла! Тут могилы кругом! Пошли обратно!!!

– Да ладно, подумаешь, несколько старых крестов. Мы почти пришли.

– Я хочу домой, в общагу! Лучше с Наташей и Олесей в одной комнате толкаться, чем рядом с покойниками жить!

– Вот смотри, – Катя уже стояла возле одного из крестов и старалась разобрать надпись на нем. – Тысяча восемьсот... вот черт, не видно из-за ржавчины... В любом случае, человек умер лет за 100, а то и за 150 до твоего рождения. Нечего бояться! Не будь такой трусихой.

Я снова решила, что Катюха права. Ну что могут сделать нам какие-то мертвецы, сто с лишним лет лежащие в земле.

Дом мы увидели сразу. Водитель не соврал – больше жилых зданий поблизости не оказалось. Двухэтажный кирпичный дом, на стене которого белой краской был написан номер 325-б. Подъезд оказался открытым – домофона тут, похоже, никогда не было. Под ногами заскрипели, прогибаясь, старые доски – пол и лестница были деревянными. В подъезде пахло плесенью и гнилью. Лампочка под закопченным

потолком не горела.

– Нам на второй этаж, – вывела меня из задумчивости подруга. – Пойдем скорее, нас риелтор уже ждет.

Квартира, вопреки моим ожиданиям, оказалась довольно-таки неплохой: две большие отдельные комнаты, небольшая ванная, туалет и кухня в конце коридора. Чистые обои, новые двери, в одной из комнат – натяжной потолок с десятком точечных светильников. Окна комнат выходили в пустой двор, из кухни был виден парк.

Но я не находила себе места. Катюха же, напротив, весело щебетала с риелтором. Я провалилась в какой-то транс.

– Светка, какую комнату выбираешь? – донеслось до меня.

– В смысле?

– Я подписала договор и внесла задаток. Ты же согласилась. У тебя вещей много? Нужно перевезти сюда скорее. Наконец-то своя комната и ванна!!!

Переезд прошел сумбурно. Я словно попала в торнадо – Катюха помогала складывать вещи вызывала такси, платила. Я только молча офигевала от происходящего.

В первый же вечер, когда мы, уставшие от хлопот, пили чай на кухне, я увидела за окном зеленоватое свечение. Катюха тоже обратила на него внимание:

– Наверное, тусит кто-нибудь. Сейчас погода хорошая, чего не посидеть на природе.

Объяснение показалось мне правдоподобным, но возник-

ла смутная тревога.

Почти каждый день мы наблюдали, как с наступлением темноты что-то начинает светиться, причем со временем свет становится все ярче. Как-то раз Катюха предложила сходить и посмотреть на ребят, которые по ночам развлекаются в лесу.

– Может, они ничего, – усмехнулась она. – Глядишь, хорошего парня подцепишь. Собирайся.

Нацепив туфли на шпильке и накрасившись в стиле «Вамп», Катюха вышла за дверь. Я бросилась за ней следом – как была, в джинсах и свитере.

Сумерки сгущались. Раздолбанная дорожка под ногами пугала кочками и рытвинами. Катюха повисла на мне.

– В нормальной обуви не выйдешь, – недовольно пробурчала она.

– Тихо! Видишь? Там, справа...

Стараясь не шуметь, мы подошли к кустам и осторожно огляделись. Перед нами была небольшая полянка, а за ней смутно белели надгробия. Трава едва заметно светилась.

– Что за хрень? – Катюха явно была разочарована и собиралась уходить. – Облом вообще...

Вдруг зеленый свет стал ярче, а земля в центре поляны начала проваливаться. Из образовавшейся ямы вылез полуразложившийся труп. Следом он вытащил какой-то огромный ящик. Приглядевшись, я поняла, что это допотопный телевизор с разбитым экраном. Оживший труп возился с ручка-

ми настройки. Раздался гул. Казалось, он шел из-под земли. Я в ужасе зажала уши руками.

Со стороны заброшенного кладбища шли зомби. Их пустые глаза смотрели на сломанный телевизор. Мертвецы находились в разных стадиях разложения – скелеты шли вместе с телами, покрытыми гниющей плотью. Катька разинув рот стояла рядом со мной и смотрела на жуткую процессию.

И вдруг «зомбоящик» включился. Разбитый экран загорелся ярко-зеленым светом. Мертвецы встали возле него, внимая странному мерцанию. Они словно подпитывались неведомой энергией. Я тормозила Катьку, но она продолжала тарашиться на зомби и не реагировала. Тогда я бросилась бежать в сторону дома, радуясь, что обула кроссовки. Не помня себя, я влетела в подъезд, поднялась по лестнице и заперлась в квартире.

Меня разбудило утреннее солнце. Я обошла всю квартиру, но Кати не нашла. Набрав ее номер, я услышала гудки, но трубку никто не взял.

По дороге на остановку я снова решила позвонить подружке. К своему ужасу, я услышала знакомый рингтон где-то в траве. Катькин мобильник валялся возле кустов, где мы с ней прятались. Там же одиноко стояла лаковая туфля на высокой шпильке.

Заявление в милицию не дало результата – весь парк был обшарен несколько раз. Жить в этой квартире я, по вполне

понятным причинам, не смогла. Я боялась оставаться одной, поэтому попросила одноклассника Валерку помочь с переездом.

Мы смогли приехать только под вечер – сначала занятия, потом пробки. Когда мы шли по парку, уже начало смеркаться. Заметив, что я сильно побледнела, Валерка взял меня за руку. Впереди замаячило заброшенное кладбище. И зеленое свечение от «зомбящика»...

Мы бежали по дорожке, стараясь не смотреть в ту сторону. И все же краем глаза я заметила, что трупов на поляне сегодня явно больше. Среди мертвецов шагала Катерина, лишь слегка тронутая разложением. Она прихрамывала. Приглядевшись, я заметила, что ее правая нога босая, а на левой все еще надета туфля со сломанным каблуком-шпилькой...

Лори Вервольф

Подвал смерти

Обычный день, ничего особенного. Проснулясь от фантомной боли за четыре часа до будильника и за пять до смены, душ, сигарета, приятное утро в постели с очередной малознакомой барышней... Хороша, чертовка – чуть было не забыл принять свой аугментанол... Выпил обезболивающее, шлифанул свое состояние баночкой энергетика, хлопнул сотку водки и оправился на службу. По дороге зашел в горячку напротив... там даже не спрашивают, что я буду и в каком количестве – привыкли уже, я там частый гость.

День вообще вспоминать не охота: это как пересматривать любимый момент в хорошем фильме раз за разом – насколько бы ты его не любил, рано или поздно начнет тошнить. Я только вернулся в строй после тяжелого ранения. Последняя стычка с контрабандистами лишила меня правой руки и правого глаза... Спасибо XXII веку за аугментику – залатали...

Последние полгода я шерстил все компании, производящие кибернетические и биомеханические части тела. Версия, что киборги тайно собирались на одной из таких компаний, отлетела со свистом, когда перехватили пару экземпляров. Детали были от разных компаний. Заговор компаний с целью нажиться – абсурд: школьнику понятно, что со своей деятельностью и бюджетом внутри компании, продажа на черном рынке приносила бы копейки. Дело встало

мертвым грузом.

Под ночь уже я начал засыпать: кражи сумочек в перелюках, разбои, продажа наркотиков... Идиоты, бл*ть! Камеры всюду! Дроны, банкоматы, сотовые телефона прохожих, на каждом перекрестке по полдесятка регистраторов, как и в каждом автомобиле... Преступность упала почти до нуля, а они все пытаются строить из себя гэнгста. Только вычислить их дело десяти секунд: биометрические данные каждого жителя мира есть в базе, так что скрываться – дохлый номер!

– Срочный выезд! – ворвался ко мне молодой следователь из Управления Мировой безопасности. Меня даже подбросило полусонного на стуле. – Товарищ капитан срочно ехать нужно!

– Твою ж мать, Норвинский, – выругался я, приходя в себя от полудрема. – Какого хрена ты так врываешься? Стучаться в учебке не учили?

– Товарищ капитан, ну, там такое... – молодой лейтенант сел на стул напротив меня, глаза его горели то ли от восторга, то ли от любопытства. – Помните ту банду контрабандистов, которые продавали киборгов на черном рынке?

– Ну, помню! – коротко ответил я и зевнул. Употреблять на службе не есть хорошо, но по-другому я не могу спать не в своей кровати, так что бодун подъехал не вовремя. – Я за этими сволочами гоняюсь полгода, все хочу за руку и глаз поквитаться, да только без толку...

– Не без толку, товарищ капитан...

– Так стоп! – прервал я лейтенанта. – просто Серега! За*бал ты Выкать. Мы работаем вместе уже четыре месяца...

Норвинский засмутился и улыбнулся.

– Сергей, наши нашли их место дислокации. Спецназ звала. Вы... ты с нами!?

– Спрашиваешь... – я схватил свою кожанку, накинул на плечи, достал кольт из кобуры, проверил, заряжен ли и последовал по коридору, вслед за уходящим к выходу лейтенантом.

Спецназ начал штурм. Внутри меня кипела злоба. В такие моменты кибернетическая рука иногда начинала «болеть». Я четко помню тот взрыв топлива на заброшенной фабрике, помню, как пару раз приходил в себя и видел, что у меня нет правой руки по локоть. Врачи даже не пытались спасти родную руку, потому что... нечего было спасать... Послышались первые выстрелы в здании старого склада. В радиии были слышны крики, команды и обмен информацией при ведении боя. А когда выстрелы стихли, из радиии послышалось четкая команда: «Контроль», а это значит, что живого противника в здании нет, в крайнем случае есть арестованные, не представляющие угрозы.

Я уже направился в сторону входа, как вдруг из него вывалился один из бойцов спецназа, судорожными, но резки-

ми движениями он сбросил с себя шлем, наушники, подшлемник... и его вырвало. Следом за ним вылетел еще один, так же сбросил с себя все вышеперечисленное и наклонился вперед, опираясь руками о дерево и глубоко дыша ртом.

– Капитан! – внутри меня встретил командир группы.

– Здоров, Андрюх! – я пожал ему руку и кивнул в сторону бойцов на улице. – Зеленые?

– Обижаеть! Стрелянные бойцы...

– А почему?..

– Серег... Дело по контрабандистам, которое ты вел... Киборгов поставляли на черный рынок... И дело о пропаже людей. Мы еще выяснили, что пропадают только те, в чьих телах присутствует аугментика...

– Ну, и?

– Серый, дела объединяются в одно... – в глазах Андрея сверкнул ужас. Я вопросительно посмотрел на него. – Ты сам это должен увидеть!

Я осветил фонариком подвальное помещение и ужаснулся: оно все было усыпано людьми без конечностей, со вспоротыми животами, весь пол был залит кровью. Некоторые из них были еще живы, я слышал их стоны боли, многие из этих «выживших» уже бились в предсмертной агонии. Бойцы оперативной группы ходили в противогазах, что не удивительно, ведь смердило жутко. Я уже хотел было выйти, но тут кто-то схватил меня за штанину. Я посветил вниз и увидел лежащую на полу девушку без глаз, ног и левой ру-

ки... Единственной оставшейся конечностью она вцепилась в мне в ногу и что-то пыталась сказать. Я наклонился к ней — она была еще жива.

– Помогите... – из последних сил шепотом прохрипела она.

– Здесь живая. Скорую помощь ко входу, быстро! – крикнул я, поднял ее на руки и понес наверх по лестнице. Девушка вцепилась в меня рукой и постоянно что-то говорила. Я плохо помню, как вынес ее, все как в тумане, но когда я положил ее на каталку и хотел вернуться в подвал, она схватила меня за руку и попросила ее не бросать...

По горячим следам банду Контрабандистов-мясников вычислили на следующий же день в здании заброшенной больницы. Церемониться не стали: оцепили район и сравняли с землей ракетами «земля – воздух – земля». Общество вздохнуло с облегчением. Но нашлись и деятели, которые решили, что было слишком негуманно убивать людей без суда. Начались разбирательства Управления Собственной безопасности – летели головы. Мне тоже по шапке настучали, но обошлось без увольнения...

Мария, девушка которую я вынес из подвала смерти, единственная, кто выжил. Он пережила несколько операций: ей вернули руку, обе ноги, оба глаза. Я частенько навещал ее в клинике, мы много разговаривали, гуляли. Когда она увидела меня впервые, сказала, что я очень похож на ангела. Я спросил почему? Она ответила: «...Я побывала в аду! Там, я

чувствовала только боль, слышала крики умирающих людей и совершенно ничего не видела. А потом пришел ты, взял меня на руки и нес так осторожно, что казалось, будто мы летим... Ты спас мне жизнь и ни дня не пропустил – каждый день навещаешь. Помог сделать первые шаги, когда мне вернули ноги... Наверно так ангелы оберегают людей, когда это действительно нужно!»

Мария оказалась очень сильным и позитивным человеком. Мы вместе прошли через страдания и восстановление после пережитого. Она часто и много улыбалась, смеялась над моими шутками, мечтала поехать на море... Я долго не мог прийти в себя, когда узнал, что она покончила жизнь самоубийством... и так и не смог найти в себе сил пойти на ее похороны, потому что в ее смерти винил себя. Ангел? Если только Ангел смерти...

Данила Гатин

Зина

Он шёл туда ради Зинки и ее недоступных прелестей. Ну и выпить, раз уж зашёл.

Толкнув ногой синюю, с облупившейся краской и призывно скрипящими петлями, дверь он вошёл в сельповскую кулинарию. В нос ударил едкий папиросный дым, смешавшийся с запахом немых тел, дешёвого пойла и чего-то ещё неприятного настолько, что сразу же захотелось выйти на свежий воздух. Кулинария давно потеряла своё предназначение и превратилась в пивнушку, в которой местные пили разбавленное до цвета вечерней мочи пиво или портвейн, дешёвый и быстро согревающий душу. На кассе сидела Надюша, наивная до безобразия миловидная шатенка. Наивностью ее пользовались все, кому не лень, поэтому засаленная тетрадка в клеточку, подоткнутая под кассу, каждый день пополнялась новыми записями о долгах посетителей.

– Добрый день, – улыбнулась Надюша краешками губ и на щеках заиграли по-детски милые ямочки.

– Добрый.

– Как всегда? – Надюша помнила наизусть вкусы клиентов, тем более, что они почти у всех были одинаковыми.

Он кивнул в ответ, исподлобья глядя на Надюшу, и отвернувшись, двинулся в сторону пустующего в глубине зала небольшого стола на высокой ножке.

Было ещё не очень поздно, поэтому в зале оставались свободные места. Тихие разговоры стоявших вокруг столов парами и тройками мужиков превращались в монотонный гул, созвучный с жужжанием мух под потолком. Густо облепленные трупами насекомых клеевые ленты, висящие как новогодние гирлянды, помогали мало и мухи постоянно норовили сесть на бутерброд или утонуть в портвейне.

Внезапно гул затих и мужчины дружно обернулись в сторону двери в подсобку. В зал, медленно покачивая бедрами, с подносом в руках вошла Зинаида. Ее большая грудь, щедро вываленная на обозрение из прорези скучного грязно-серого халатика, колыхалась в такт ходьбе. Растрёпанные русые волосы обрамляли красивое лицо, холодное и безразличное. Зинаида, не замечая восхищённых мужских взглядов, прошла через зал и остановившись рядом с ожидавшим ее клиентом неторопливо расставила на столе его заказ: холодную котлету на тарелке, бутылку с портвейном и гранёный стакан. На мгновение встретившись с клиентом взглядом, она кивнула ему и спустя несколько секунд, под общий разочарованный вздох, скрылась в подсобке. Зина была поваром и лишь изредка радовала своим появлением посетителей забегаловки. За возможность оказаться в подсобке, любой из клиентов продал бы душу дьяволу.

Поздно ночью, когда большинство из посетителей, еле перебирая ногами, разбрелись по домам, а Надюша, звонко хлопнув кассу, убежала на очередное свидание, одиноко си-

девший в углу и порядком поднабравшийся клиент незаметно прошел в подсобку. Зинаида, стоя спиной к двери, ловко разделявала здоровенные куски мяса большим поварским ножом. Мужчина подошёл к ней и набравшись смелости зажал пятерней ее грудь, и прикоснулся губами к шее. Зина, шевельнув бедрами, прижалась к мужчине, продолжая монотонно разрезать мясо, а затем резко развернулась. Лезвие ножа мягко вошло на всю глубину в тело мужчины чуть ниже ребер и быстро выскочило наружу, чтобы войти снова теперь уже чуть выше пупка. Мужчина, выпучив глаза, втягивал ноздрями воздух и после каждого движения ножа издавал протяжный стон.

Лезвие ножа то погружалось, то выныривало из живота мужчины, пока он в агонии не рухнул на пол. Кровь вытекала из ран, постепенно образуя под его телом большую глянцево-красную лужу. Зина помыла нож в мойке и оттащила тело мужчины в холодильную комнату.

Работы ночью предстояло много, но зато на ближайшие недели две у Зинаиды будет фарш для котлет.

Татьяна Козлова

Кукла

– Вот так, моя дорогая. Сейчас я сделаю тебя красавицей.

Ты и так красавица. Моя прелесть...

Высокий немолодой мужчина закончил пришивать ногу, погладил аккуратный шов в области паха и с нежностью посмотрел на Аду.

– Ну вот, теперь как новенькая. Ты же знаешь, как я тебя люблю, моя девочка.

Кукла смотрела в его добрые голубые глаза и улыбалась. Она тоже его любила, ведь кукольник был ее создателем. Все дети любят своих родителей. Не смотря ни на что.

Ада лежала на большом рабочем столе. Он делал много кукол на продажу, но эта была особенная, мужчина оставил ее для себя.

Он провел своими тонкими длинными пальцами по ее волосам и нежно поцеловал в губы. Осторожно погладил по маленькой, почти детской груди, затем по животу и ниже...

– Не бойся, Ада, я никому тебя не отдам, моя дорогая, никому.

– Я ведь сделал тебе ротик, ты теперь можешь мне отвечать.

– Почему тебя так долго не было?

– Не так-то просто найти для тебя детали, моя малень-

кая, – кукольник достал из мешка человеческую руку, из которой все еще капала кровь. Примерил к предплечью Ады, но она оказалась велика. Мужчина выругался и начал обратно пришивать конечность, уже начавшую подгнивать. – Тебя все время нужно чинить.

– А почему? Я плохая?

– Нет, нет, что ты! Ты очень хорошая, самая лучшая, – мужчина наклонился к Аде и поцеловал в синие губы.

– А почему тебя не надо чинить, а меня надо?

– Потому что я человек.

– А я тогда кто?

Создатель внимательно посмотрел на Аду. Взял ножницы и начал осторожно вынимать бледные глаза из глазниц. Их давно пора было заменить. Немного помолчав, он ответил:

– Ты мое создание.

Ада лежала смирно, она привыкла к манипуляциям своего создателя и знала, что ему лучше не мешать. Когда он закончил с глазами она сказала:

– Папа, я тоже хочу быть человеком.

Мужчина тяжело вздохнул. Взял полотенце и начал осторожно омыwać Аду.

– Человеком быть не так-то просто. И не так уж приятно.

– Почему?

– Вот ты же ничего не чувствуешь, когда я режу части твоего тела? А люди чувствуют нестерпимую боль. А еще люди порочны, – он нежно провел рукой по ноге Ады. – А ты чи-

стое создание. В тебе нет ни зла, ни пороков, – тяжело дыша, он расстегнул ширинку штанов.

– Я все равно хочу быть человеком, как ты, папа.

– Ада, у меня для тебя подарок! – кукла улыбнулась и села на столе. Мужчина достал коробочку, протянул ей. Ада раскрыла ее и удивилась.

– Что это?

– Это сердце. Ты же хотела стать человеком, а у любого человека есть сердце.

– Спасибо, папа, я так счастлива! – Ада обвила мужчину своими тонкими синими руками. – Теперь я стану человеком?

– Нет, моя милая, но у тебя будет сердце.

Ада перестала улыбаться и легла обратно на стол. Кукольник взял большой нож и разрезал ей грудь.

– Тогда зачем мне сердце?

– Я думал, ты обрадуешься, – мужчина осторожно раскрыл ей грудную клетку. – Ада, ты никогда не сможешь быть человеком.

– Тогда зачем я вообще нужна? Ты не приходишь по несколько дней, я не знаю, где ты и с кем. Ты меня не любишь?

– Знаешь, я наверно зашью твой рот обратно. Ты стала слишком много говорить, – мужчина с раздражением закрыл грудную клетку обратно и начал наносить швы на мертвое

тело.

У кукольника было много работы, и он не заходил к Аде больше 2х недель. Он боялся идти – знал, что его там ждет.

Кукольник спустился в подвал и открыл дверь своим ключом. В нос сразу ударил запах разлагающейся плоти. Щелкнул выключателем, но свет не включился. В темноте дошел до стола, где обычно лежала Ада, но там никого не оказалось.

– Ада! Ада, где ты?

Создатель очнулся от жуткой боли в голове. С трудом открыл глаза и понял, что не может пошевелиться. Ада стояла над ним с ножом. Она привязала его тряпками к столу.

– Ада...

– Прости папа, мне пришлось ударить тебя.

– Развяжи меня.

– Люди чувствуют нестерпимую боль, когда им разрезают тело. Так ты не сможешь мне помешать. Папа, лежи смирно, мне нужно разрезать твою грудь.

– Ада, я умру, если ты разрежешь мне грудь, не делай этого. Убери нож!

– Ничего, папа, я создам тебя заново, как ты меня. Тогда ты больше никогда не будешь чувствовать боль. Ты будешь чистым и непорочным созданием. Я заберу у тебя сердце, и тогда мы навсегда сможем быть вместе.

Не бойся, папа, я никому тебя не отдам, никому.

Юлия Ломухина

Ты носи меня, река

Тятя! Тятя! наши сети

Притащили мертвеца.

А.С.Пушкин

– Мне бабка запретила с тобой общаться. Твоя мать, говорит, ведьма, и род ваш весь проклят. И ты, Лерка, значит, тоже ведьма.

Никита стоял по пояс в воде и смотрел на Леру, ожидая ее реакцию. Девушка лишь раздраженно повела плечами; сама она предпочла бы, чтобы о них не говорили в деревне вообще. Разве скажут хорошее деревенские о красивой женщине, в одиночку воспитывающей ребенка? Сплетничали, что не приживаются мужики в их семье, – что было печальной правдой, – и виной тому – бабка Леры, отдавшаяся дьяволу за ведьмовскую силу. Перешептывались, что сторожит их дом летними ночами красноглазый демон, и именно от него рождаются девчонки с дрянной кровью в их роду. И только страх мести да уголовный кодекс, думалось Лере, спасали их маленькую семью из двух женщин, кошки и коровы от средневекового самосуда с сожжением на площади. Причем мести боялись явно больше.

– А что, если и ведьма? – с вызовом ответила девушка,

облокачиваясь на забор и смотря исподлобья на Никиту. – Гляди, наберу в лесу трав, пошепчу – и отсохнет твой язык поганый! А то и что пониже...

Парень засмеялся и нырнул в блестящую речную воду. Лера смахнула с лица светлую прядь волос и пошла вдоль забора к грядкам: до прихода матери нужно было закончить прополку. Было по-летнему жарко, но купаться девушке совершенно не хотелось. Плавать Лера любила, но речка неизменно вызывала в ее голове странные образы.

Как-то в детстве она ночью пошла к ведру с водой, чтобы попить, и, нечаянно бросив взгляд в окно, так и застыла на месте. Нечто черное и высокое медленно выходило из реки. Деталей было не разглядеть, но прежде, чем проснувшись от ее крика мать задернула штору, в памяти Леры успели отпечататься два красных глаза. И хоть утром ей объяснили, что глазами были лишь фары машины, остановившейся на другом берегу реки, девочку еще долго по ночам преследовали странные шорохи, вздохи и красные, немигающие глаза, которые смотрели прямо на нее. Со временем это прошло, но Лера упрямо отказывалась подходить к реке даже для того, чтобы зачерпнуть воды.

Никита шумно вынырнул, разбрызгивая капли жидкого золота.

– Лер, да погоди ты! – прокричал он ей вслед, спешно выходя на берег. – Куда ты так понеслась?

Девушка остановилась и развернулась, хмурясь. Никита

поравнялся с ней и тоже остановился, подавшись вперед. Теперь их разделял только забор.

– Тебе говорили, что ты красивая? – внезапно спросил он.

– Говорили, что похожа на мать, – буркнула Лера, хмурясь еще больше.

Никита протянул руку и коснулся ее щеки.

– Хочешь, будем вместе? Ну, ты понимаешь... – большой палец парня скользнул по пухлым Лериным губам. – Будешь моей девушкой?

– А не боишься?

– Чего? Что проклятье меня живьем сожрет? Брось. Это же лишь деревенские байки. Хотя... В то, что ты – ведьма, я бы поверил. Ведь ты меня давно околдовала.

«То-то он часто тут стал ошиваться. Речки ему целой мало – нет, у забора нашего голым торсом сверкает месяц уже. Обольститель хренов,» – зло подумала Лера. Ей до жути хотелось впиться зубами в руку наглого парня, но вместо этого она задумалась.

Никита был старше ее на пять лет и довольно красив. По нему сохли почти все деревенские девчонки. Он учился в городе и приезжал в деревню к бабке только два раза в год: летом и зимой. Идеальный претендент для первого опыта. Лера была реалисткой: городской мальчик хотел развлечься, не более. В этом их интересы совпадали.

– А почему бы и нет? – голубые глаза Леры сверкнули. – Завтра, как стемнеет, встретимся у сарая.

– Договорились, – широко улыбнулся Никита и, потянувшись, жадно поцеловал её в губы. Лера замерла от неожиданности, не зная, что делать. Никита отстранился и выдохнул:

– Непорченная еще, да? Ничего, сладкая, я тебя многому научу.

Лера дергано улыбнулась. Она уже жалела о своем спонтанном решении, но отступать было поздно.

* * *

О своей матери Лера точно знала три вещи: что она всю жизнь проработала в школьной столовой, что колдовать она не умела, и что она определенно странная. Женщина могла часами смотреть в окно на реку, позабыв обо всем на свете; могла молчать несколько недель, а то и месяцев; была рассеянной и периодически путала имя дочери со своим, называя Леру Варей. В их доме не было ни одной мужской фотографии, кроме старой, черно-белой, на которой был запечатлен дед Леры – молодой офицер. Он пропал без вести во время Второй Мировой. Мама говорила, что никогда не видела его вживую, но иногда Лере казалось, что она как-то странно смотрит на фотографию. Слишком уж нежно.

Так или иначе, сегодня мать должна была остаться в школе до глубокой ночи – староста отмечал в школьной столовой юбилей, — а Лера, в свою очередь, собиралась встретиться с Никитой.

Девушку лихорадило и трясло с шести вечера. От волнения все валилось из рук, но к сараю Лера не пошла ни ко-

гда начало смеркаться, ни когда стемнело. Ей хотелось заставить ухажера подождать, чтобы выиграть время и успокоиться. Но когда часы пробили полночь, девушка все-таки взяла старый фонарик, вышла за калитку и, крадучись, пошла вдоль забора в дальний конец участка, на углу которого стоял сарай.

Возле него никого не было. Лера было расстроилась, но по мере приближения, заметила длинную тень, тянущуюся от поворота. Там, за углом, кто-то стоял. Девушка обогнула сарай и направила свет фонарика прямо на ждущего её Никиту.

– А вот и я. Давно при...

Слова застряли в ее горле, отказываясь покидать его, а фонарь, неожиданно ставший слишком тяжелым, легко выскользнул из трясущихся пальцев и истерично замигал. Прямо на Леру смотрело немигающими красными глазами нечто, смутно напоминающее человека. С его тела стекала речная вода вперемешку с кровью. Кровь была и на стене сарая.

Лера опустила взгляд на землю.

К горлу подступил тугой, отвратительный ком еще не переварившегося ужина. Никита безжизненным мешком лежал на земле, окруженный собственными внутренностями, смешанными с грязью. Глаза его были выдраны из глазниц вместе с частью лица.

Лера отшатнулась и ее вырвало прямо на новые туфли

и легкое платье.

– Лера! Ты здесь? – услышала девушка приближающийся голос матери, но не смогла ответить. Очередной приступ рвоты, еще более сильный, скрутил ее: в мигающем свете фонарика она увидела на дереве глаза Никиты, а также часть скальпа. Быстрые торопливые шаги резко оборвались, и очередной фонарик упал на землю. Мать Леры замерла, зажав рот руками.

– Мама, беги! – наконец смогла выдать из себя девушка, борясь с истерикой. – Монстр! Спасайся!

Но мама не двигалась.

– Люба? – неожиданно произнесло существо отчетливым мужским голосом. Тело его покрылось рябью, становясь более похожим на человеческое.

Под изумленный вопль Леры ее мать ринулась к монстру и повисла у него на шее, прислонившись губами к тому месту, где было его лицо. И тут Лера с ужасом узнала в существе знакомые черты.

Дед.

Это был он. И чем дольше Лерина мать его целовала, тем человечней выглядел он, и тем старше казалась она.

– Ваня, Ванечка! – наконец отстранившись, проворковала мать незнакомым хриловатым голосом. – Я снова тебя дождалась!

– А я снова вернулся, – бледный мужчина ласково гладил ее по волосам. – Я же обещал, что даже мертвым вернусь.

Дочка наша, Варечка, такая взрослая уже!

– Да, родной мой. И скоро она станет мной, чтобы снова дожидаться тебя, – мать перевела взгляд на Леру и улыбнулась. Слишком широко для человека. – Она станет Любовью.

Лера наконец смогла двигаться. Она сделала шаг назад, затем еще один и рванула со всех ног мимо забора, в сторону соседей. Но чертова туфля зацепилась каблуком за корень яблони, и Лера с визгом скатилась прямо в речку.

Мимо нее с застывшей на губах улыбкой прошла ее мать, медленно погружаясь в холодную воду реки по самую грудь. Ее густые светлые волосы трепал ветер, а в голубых глазах плясали безумные всплески лунного света.

– Теперь твой черед, а мне пора, – прошептала она, и прежде, чем Лера закричала, погрузилась в воду с головой. Девушка звала её, срывая голос, пыталась нырять, но все без толку – женщины и след простыл.

Внезапно Лера ощутила острое желание обернуться, что и сделала. И потеряла себя навсегда.

На берегу, под яблоней, стоял молодой офицер и пристально смотрел на нее, бывшую когда-то Лерой Любовью Николаевну Орлову – верную жену Ивана Афанасьевича Орлова, трагично погибшего от вражеской пули летом сорок второго года у истока знакомой реки.

Ксения Кондрашова

Часть 2

Сванте, старик и ведьма Фрекен

– Не могу, – Сванте отвел глаза от окна и опустил винтовку

– Малыш, ты должен. Ты.. – скрипучий голос оборвался на полуслове, когда Сванте вскочил и резко развернулся к собеседнику.

– Не смей так меня называть! Не смей! Никогда! Ты слышишь, никогда больше, – слова точно раскалённые капли металла обжигали рот. Он несправедлив к старику, слишком жесток, но как быть с этим тошнотворным чувством бессилия и горечи, когда слышишь своё старое детское прозвище.

«Малыш, – вдруг тихо прошептал мамин голос почти в самое его ухо. – ни за какие сокровища в мире мы бы не согласились расстаться с тобой. Ты это понимаешь».

– Я прошу, не злись на меня, – снова проскрипел старик, возвращая Сванте в реальность. – ты последняя нить между мной и прошлым. Доказательство того, что оно действительно было. Разреши мне, старику, быть немного сентиментальным. Самую малость.

Сванте стиснул зубы и кивнул. Он повесил винтовку на плечо и покосился на оконный проём.

– Я не смогу этого сделать. Они моя семья.

– Нет. Уже не семья. И ты это знаешь, – Карлсон крепко затянулся самокруткой и выпустил облачко сладковатого дыма, а затем протянул косячок Малышу, – Хочешь? Для храбрости?

– Не хочу, – Сванте скривился и неодобрительно хмыкнул. – Эта дрянь окончательно добьёт тебя, старик. Ты едва дышишь.

– Плевать. Зато умру весело, – Карлсон засмеялся лающим смехом, который перешёл в долгий мучительный кашель. На секунду Малышу показалось, что в этот раз всё закончится. Но старик откашлялся, вытер кровь с губ и слабо махнул рукой в сторону окна.

– Стреляй, Малыш. Пора закончить это всё.

Малыш сел, положив винтовку на подоконник. В прицеле он увидел четыре фигуры, бесцельно бродящие в окнах дома напротив. Он задержал дыхание, прицелился и нажал на спусковой крючок.

Один. Два. Три. Четыре.

Готово.

Горло стиснуло, он не мог выдохнуть. Малыш отшатнулся от окна и его вырвало. Живот скрутило в тугий узел, по телу струился липкий холодный пот, а из глаз катились слёзы. Шатаясь Малыш встал и подняв голову взглянул на Карлсона, который всё это время хранил молчание. Старик смотрел на него широко распахнутыми пустыми глазами. Из рта

на подбородок и грудь стекала тёмная красная кровь.

Спускаясь по лестнице Сванте не плакал. Не потому, что не жалел Карлсона. Просто не мог поверить, что его больше нет. Из румяного толстяка за эти страшные семь лет ночи Карлсон превратился в тощего дряхлого деда, но он спас Сванте. Унёс из собственной квартиры к себе на крышу, когда Боссе, Бетан и мама с папой спорили, кто первый вспорет Сванте грудь и попробует на вкус его маленькое детское сердечко. Он спас его. Обучил всему, в том числе и охоте. Семь лет они очищали Стокгольм от кровожадных тварей, которых призвала к себе на службу ведьма Фрекен. Их осталось двое живых в городе мёртвых. И, чёрт возьми, они отлично справлялись. Теперь Сванте один и последний акт этой мерзкой пьесы ему придётся играть соло.

Он помедлил перед домом, в окна которого только что стрелял. Ведьма там. Теперь она осталась одна. И он должен сам прийти к ней в логово и быть сильным. Если сейчас Сванте проиграет, из Стокгольма эта тьма вырвется и накроет всю Швецию, а за ней весь мир.

Дверь знакомой с детства квартиры была распахнута настежь. Сванте осторожно ступил внутрь и прислушался. Было тихо, лишь в глубине комнат звучало тихое мурчание. Он пошёл на звук и едва не споткнулся в потёмках о тело Бетан. Пуля попала ей в шею. На пепельном лице вместо глаз зияли чёрные провалы, а зубы, торчавшие из приоткрытого рта, доходили почти до подбородка. Неподалёку лежали па-

па и Боссе. Малыш сглотнул и прошёл мимо не глядя на их жуткие мёртвые лица.

Перед дверью в зал, откуда исходило мурчание, лежала мама. Он никогда бы не узнал её, если бы не родинка над верхней губой. И пластиковое колечко на пальце, которое ей подарил Малыш на День матери. Подарил миллион лет назад, в другой жизни. Сванте застыл. Тело перекрывало ему путь, но он не мог коснуться его руками. Не мог носком ботинка откинуть со своего пути раскинутые руки. Это же его мама.

«Неужели ты не знал, что мама будет вне себя от тревоги, будет плакать» – ему казалось, что губы мамы двигаются. Она говорит с ним.

Сванте не знал, как долго он стоит здесь и смотрит на тело убитой твари (или мамы?). Внезапно дверь с грохотом распахнулись и он услышал:

– Ку-ку, мой мальчик! – сладкий голос ведьмы обрушился на него как поток ледяной воды. – Иди ко мне.

Вихрь подхватил Сванте и понёс в глубину комнаты, туда, где развалившись на шёлковых подушках лежала одетая в красный бархат Фрекен Бок. На руках у неё мурчала Матильда, равнодушными красными глазами следя за пришельцем. С размаху его швырнуло на пол и Малыш понял, что стоит на коленях перед ведьмой. Она ласково улыбнулась ему. Тысячи голосов в голове разом завопили, завыли, зарычали. Они плакали и стонали, молили о смерти. Смерть

и тьма неизбежны, война проиграна. Малыш закрыл уши и закричал.

Но за чудовищным хором вдруг мелькнула мысль о маме, которая сейчас лежала в коридоре раскинув руки точно пыталась взлететь. И о Карлсоне, который жил на крыше, летал и любил варенье. Который спас его и ушёл из этого страшного мира по своим правилам. Малыш опустил руки, встал на одно колено. Мутным взглядом он смотрел на затухающую улыбку ведьмы, а потом резко вскочил на ноги и кинулся на неё.

Внезапная атака стала неожиданностью для ведьмы. Она отпрянула, но увернуться своим огромным телом от мальчишки не смогла. Матильда вступилась за хозяйку, впившись когтями в ключицу Малыша, но тот не обратил на боль никакого внимания. Выхватенным из верхнего кармана серебряным стеклом он за секунду располосовал шею Фрекен Бок. Кровь лилась ему в лицо, застила глаза, но Малыш продолжал остервенело кромсать свою мучительницу.

Кошка издала мучительный вопль и издохла, когда тело ведьмы перестало трепыхаться. Малыш скатился с кушетки и неуклюже упал спиной на пол. Штаны, футболка, куртка: всё пропиталось кровью, и судя по головокружению, половина этой крови принадлежала ему самому. Матильда оцарапала его глубоко. Глубже, чем Малышу казалось. Не в силах подняться он лежал на полу и видел как за окном тает семилетний полумрак и восходит утреннее солнце.

Елена Бурдыкина

Давайте жить дружно!

– Леопольд! Выходи!

Камень, размером с кулак, со свистом пролетел в оконную раму. Старый бродяга Леопольд сидел прямо под подоконником, прикрывал голову грязными руками и дрожал всем телом. В его ногах пищал от страха маленький котенок. Он боялся. Боялся и Леопольд.

Следующего камня не последовало. Собрав всю волю в кулак, бродяга осторожно высунул лохматую голову в окно.

– Р-ребята, д-давайте жить д-д-дружно! – заикаясь, произнес он, поднимая руки над головой, тем самым демонстрируя готовность сдаться.

– Никогда!

Кусок кирпича влетел в голову Леопольда аккуратно над правым глазом. Мужчина взвыл от боли. Улица вторила ему злобным детским смехом.

Дмитрий и Матвей, которых все звали Митя и Мотя, были детьми местных купцов. Мальчишки быстро спелись в своих хулиганских, а порой даже садистских выходках: то птицу раненую до смерти замучают, то собаку накормят хлебом с гвоздями, то кошку, пойманную в мешок, сбросят в реку. Леопольд имел глупость сделать им замечание, после чего дети резко переключились на него. Но мужчина не жаловался.

Леопольд пригнулся и, убрав котенка за пазуху, быстро прокрался в угол. Град камней застучал по полу заброшенного дома с новой силой. Мужчина вжался в стену, повернувшись спиной к окнам и опустил котенка на пол.

– С-сейчас, малыш. Т-ты голодный, н-наверное... – ласково проговорил он. – Не с-серчай на них, они н-ничего еще не п-п-понимают. С-сейчас, мой м-милый...

Один из камней попал в спину Леопольда, но он лишь сильнее сжал зубы. Голова его гудела, а кровь, сочащаяся из раны, застилала глаза, но он продолжал судорожно рыться в складках одежды, пока не выудил мятую желтоватую коробку. Мужчина поднес ее к уху и потряс. Меньше четверти осталось: остальное пролилось, когда он, выхватив котенка, дал деру, – но малышу хватит, а он и поголодать может. Чай, обычное дело.

Мужчина налил в ладонь молока и аккуратно макнул мордочку котенка в него. Тот тут же жадно залакал, впиваясь маленькими коготками в пальцы и урча.

Детские голоса удалялись: видимо, пришло время ужина. Леопольд подлил в ладонь еще молока и устроился поудобнее.

– Ничего, малыш, прорвемся, – произнес он, аккуратно глядя котенка по выступающим позвонкам спинки. – Где наша не пропадала.

* * *

Митя и Мотя на ходу возбужденно обсуждали кто, сколь-

ко раз и куда попал по вонючке Леопольду. Остальные ребята, боясь сгущающихся сумерек, уже разбежались по домам, но эти двое никуда не спешили. Темнота была их напарником по шалостям, прикрывающим и подсказывающим сценарии новых игр.

Оба мальчика свернули в неосвещенный узкий переулочек, желая срезать путь к дому. Этой дорогой они ходили сотни раз. Потому и не ожидали острой боли в затылках от двух точных ударов. В один миг полумрак переулочка сгустится в непроглядную тьму.

* * *

– Мить, Мить! Вставай, Мить! Вставай!

Дмитрий с трудом разомкнул тяжелые веки. Слипшиеся от крови ресницы поддавались неохотно, частично вырываясь с корнем. Мальчик поморщился одновременно от боли и отвращения: в воздухе повисла мерзкая смесь запахов мочи, плесени, гнили и еще чего-то, смутно знакомого.

Зареванный Мотя крепко сжимал его, дрожа всем телом. Митя оттолкнул друга: его штаны были мокрыми.

– Я думал, что ты уже все, уме-е-ер! – ревел Мотя, растирая по грязному лицу влажные дорожки.

– С чего бы...

Митя осекся и впервые осмотрелся.

Скрипучий пол. Глухие деревянные стены без окон. Единственная свеча тускло догорала на столе, и в ее свете Митя увидел, что у сидящего напротив друга течет кровь по ли-

цу. Он ощупал свою голову там, где болело, и поднес ладонь к глазам. Тоже кровь.

– Где мы? – спросил он.

– Я не знаю. Помню только переулок, резкую боль... и все.

– Я тоже, – неохотно признал Митя. – Надо думать, как выбираться...

Тут единственная дверь в комнате открылась, и оба мальчика застыли от ужаса. На пороге стоял высокий мужчина в оборванной, грязной одежде. Лицо его закрывала грубая маска из мешковины с двумя неровными ушами и вышитой кошачьей мордой. В глазные прорезы прямо на них смотрели желтые глаза, и каждый из мальчиков мог в тот момент поклясться, что зрачки у них были вертикальными.

– Л-Леопольд? – выдавил из себя Митя первое, что пришло в голову.

Незнакомец склонил голову на бок.

– Ребята... – раздался из-под маски мурчащий бас. – Давайте жить дружно!

В руке у него что-то блеснуло – и позади Мити, рефлексивно уклонившегося, с треском вошел в стену нож. На щеке мальчика расцвел глубокий порез. Митя с ужасом осознал, что метили ему в голову. Предательски теплая струя мочи потекла вниз по штанам.

Незнакомец шагнул вглубь комнаты. Мальчики с визгом рванули наружу, в темный коридор. Бежать, бежать и не оборачиваться!

Жуткий смех бил им в спины, подстёгивая.

– Бегите, мышата, бегите! Кошка вас все равно учует и разделает!

Митя пулей заскочил в первую попавшуюся комнату и, не дожидаясь Моти, захлопнул дверь. Он быстро провернул встроенный в ручку ржавый замок, а затем, для надежности, подставил стоящий рядом дряхлый стул.

– Впусти!

С обратной стороны двери с отчаянным ревом рвался внутрь Мотя. К нему неторопливо приближались тяжелые шаги.

– Я иду и пою обо всем хорошем,

И улыбку свою я дарю прохожим, – напевал голос преследователя.

Мотя принялся ломиться с новой силой, умоляя друга открыть дверь. Митя, дрожа, отступил на шаг. Только сейчас он почувствовал ужасную вонь, и его вырвало. Но расслабляться было некогда, нужно было укрепить хлипкую баррикаду. Даже если страшно оторвать взгляд от двери хотя бы на миг. Митя досчитал до трех и резко обернулся.

– Если в сердце чужом не найду ответа,

Неприятность эту мы переживем.

Мотя истошно заорал. Чавкающий звук входящего в плоть ножа. И снова, и снова.

Митя же с широко открытым ртом замер, не замечая ничего вокруг. В глубине комнаты, прямо под потолком, подве-

шенные на крюки, словно свиньи в мясной лавке, висели дети. Несколько десятков детей. Некоторых из них Митя смутно узнавал, других видел впервые, но большую часть не мог разглядеть из-за явных признаков разложения, искажающих черты до неузнаваемости. А за ними, на другой стороне темной комнаты, зияла отчаяньем приоткрытая дверь.

Звуки шагов в коридоре возобновились и прежде, чем Митя понял, что ему нужно бежать, в проеме появилась ушастая фигура незнакомца. На одежде, руках и кошачьей маске расплылись темные пятна крови. В одной руке он сжимал большой нож для разделки мяса, в другой – небрежно схваченную за волосы голову Моти.

– Между прочим, это мы переживем.

* * *

Леопольд сидел в заброшенном доме на прохудившемся матрасе и блаженно улыбался, поглаживая подросшего молодого кота. Он назвал его Везунчиком. Рядом, тихо мурча, лежали еще пять кошек, и каждую из них мужчина периодически мягко трепал. Голова его была перевязана пожелтевшим бинтом.

Раздались тяжелые шаги в коридоре. Масляная лампа наполнила комнату мягким светом.

– Д-добрый вечер, о-офицер... – Леопольд замялся, вспоминая фамилию.

– Прайс, – подсказал высокий мужчина в форме, опуская сумку прямо на пол, – но можете звать меня просто Ричард.

– И-извините, Б-бога ради, п-п-просто вы же н-недавно в г-городе, вот я и н-не усп-пел...

– Прекратите извиняться, Леопольд. Я принес еду. И свежие бинты.

Леопольд хотел было подняться, но офицер жестом остановил его.

– Не надо, разбудите кошек, – пробасил он, а затем подошел сам и пожал слегка дрожащую руку бродяги.

– С-спасибо вам, п-правда, огромное с-спасибо. Если б-бы вы тогда не п-п-патрулировали этот район, то я бы, н-наверное, умер бы з-здесь две нед-дели н-назад.

– Не преувеличивайте. Я не мог оставить в беде человека, который так самоотверженно заботится о кошках.

– В-вы тоже их любите? – спросил Леопольд с улыбкой.

– Безумно. У меня самого их три.

– А что с п-пропавшими детьми?

– Ищем. До сих пор никаких зацепок.

Леопольд тяжело вздохнул и покачал головой.

– Б-бедные д-дети. Что же с-с ними п-приключилось? Надеюсь, они н-найдутся.

Офицер широко улыбнулся.

– Не переживайте, Леопольд. Неприятность эту мы переживем. Я найду мышат. Обещаю.

Ксения Кондрашова

В тумане

Время подходило к одиннадцати. Василий нанес последние мазки на рисунок и спустился со стремянки. Та угрожающе скрипнула. Подошва наткнулась на что-то мелкое. Василий поднял болтик и рядом ещё два. Это от лестницы. Хорошо, что он заметил сейчас. И хорошо, что к этому моменту он завершил работу. А то всё могло бы закончиться печально.

Он отставил ступеньки и окинул взглядом работу: дикие тропические деревья и кусты расцвели по большому залу. Разноцветные попугаи, жёлтые орхидеи. А неубранные ведра с грязной водой и испачканный, как в болотной тине, фартук контрастировали с этой красотой неприглядной изнанкой мира.

Художник посмотрел на свои разноцветные руки. С глаз долой – из сердца вон!

Василий вышел на тёмную террасу и сел на каменные ступени. Уже два месяца он работал здесь, в пустом доме. Закрытый посёлок без людей. Курьеры изредка привозили еду. Рабочие расставили мебель и уехали, прежде чем он кого-то застал. Не первый раз.

На глаза попался красивый оранжево-коричневый лист. Василий поднял его, и тот рассыпался. Он как-то и не сразу заметил, что бабочек давно нет, не видно комаров и мура-

вьёв. Обессилевшие тельца уснувших шершней рассыпались по земле и садовым дорожкам, а тишина задушила голоса местных птиц. На порог дома пришла тёмная осень.

Василий уложил поглубже в карман мессенджер, весь смысл которого перечеркнуло: «Нет сети». Положил руки на колени и утробно замычал мелодию из глубин памяти, чтобы не одолела тишина. Впереди только чёрная лесная стена. И туман.

В таких лесах должны водиться светлячки. А может, лоси и ежики. Они не обитают там, где живут люди, но всё же.

– По ту сторону всегда кто-то есть, просто люди не привыкли с этим считаться. Как не привыкли считаться с самими собой, – услышал Василий. Взял прут и потыкал им в кочку с жухлой травой.

– А что считать? Вот трава, вот земля, я. Был маленьким, стал большим. Выполнил заказ один, второй и вернусь обратно к началу. Как всё до меня, так и всё после, – ответил он и отложил прут.

Кочка пошевелилась:

– И ты продолжаешь бродить вот так, впустую?

– А чего ловить? Слава – суета. Ресурсы временны. От любви приходишь к одиночеству. А после любой жажды ценишь только покой.

Василий почувствовал, что мрамор, на котором он сидел, стал совсем холодным, и поднялся. Где-то внизу, в молочной пелене, его пальцы сжала маленькая лапка и потянула за со-

бой. Но он не пошёл.

– Почему? Ты же пропадёшь в тумане!

– Понимаешь, я не смогу вернуться туда, откуда пришёл. Этого мира уже нет. Тот мир, куда я попаду, ненавистен мне, он не жалеет людей. Там тирания и абсурд сильнее здравого смысла. Я давно блуждаю и не нашёл там себе места. Я покинул дом и согласился на этот заказ только затем, чтобы уйти.

– Может, просто у тебя нет в друзьях медвежонка, который бы тебя ждал?

Василий покачал головой.

– Те, кто меня бы ждал, обманывают себя. Я никогда не играл для них существенной роли. Их беда только в том, что они слишком привязаны ко мне.

– И ты не боишься один блуждать здесь?

– Боялся. Когда-то очень боялся. Не теперь.

– Понимаю.

Раздался шорох. Краем глаза Василий заметил, как, раздвигая носом сухие листья, у калитки мелькнул ёжик и быстро исчез.

Через два дня, не получив вовремя отчёта, в дом приехал заказчик вместе с рабочими.

На полу в законченной расписанной комнате они нашли мёртвого художника рядом с упавшей стремянкой.

Ольга Андреевкова

История о Золушке

На удивление быстро он нашёл жильё. Старый замок, увитый плющом, стоял в глубине сада. Риэлтор предупредила, что местные обходят дом стороной, и вряд ли кто-нибудь заглянет в гости.

Ему было все равно. Французы такие эксцентричные. Он хотел окунуться в настоящую провинцию, надышаться разнотравьем, пропитаться пряным альпийским воздухом. В планах были прогулки по окрестностям, знакомство с местными аборигенами, вечерние походы в бары.

Он вошёл в дом и ясно представил, здесь принимали гостей, тут будуар хозяйки, вот спальня хозяина, здесь столовая. Мебель была современной, и только зеркало в зале было ровесником дома. Старое зеркало. Чуть мутноватое. Вычурная рама. Деревянная резьба, хрустальные вкрапления по сторонам, золоченые вензеля. Риэлтор говорила, это условие хозяина, менять и переставлять можно все, кроме зеркала.

Он усмехнулся. У него тоже были причуды. Например, бросить все и приехать в Европу. Какое удивление это вызвало у друзей. Компания собиралась на Гавайи, там ждала яхта, жаркое солнце и голубой океан. Он и сам не мог объяснить, почему вдруг передумал.

На сегодня впечатлений достаточно. Пора спать.

* * *

Во сне он бродил по пустым залам пока не дошёл до зеркала. К нему вышла девушка. Хрупкая блондинка в балльном платье и одной туфельке. «Вы не видели мою туфельку? Я обронила ее во время танца». «Нет». «Она где-то здесь, не поможете ли, сударь, найти?». Они шли по залам, девушка немного подхрамывала и рассказывала. О мачехе, крестной, сёстрах. Ее голос звенел нежным колокольчиком. Он слушал, иногда односложно отвечал.

* * *

«Странный сон, я слишком впечатлён этим местом», – думал он по дороге в деревню. Хозяйка кафе угощала завтраком, рассказала о достопримечательностях. Когда узнала, где остановился гость, замерла и посмотрела с тоской. Он рассчитался, оставил щедрые чаевые и услышал вслед:

– Пока не поздно, поезжайте в деревню, здесь есть гостиница.

«Французы действительно странные».

День прошёл в прогулках по окрестностям. Об этом он и мечтал: гулять, дышать, наслаждаться. На завтра запланирован поход в горы.

* * *

Девушка все так же подхрамывала и много рассказывала. Она была одета в голубое атласное платье, в волосы вплетена лента. Ее кожа слегка светилась и казалась прозрачной. Девушка нравилась ему все больше.

– Вы не видели мою туфельку, сударь?

Она затронула его. Он вздрогнул, рука была ледяной.

* * *

Утром он долго лежал в постели и размышлял. Что это было? Это несомненно сон, но настолько яркий и запоминающийся, что казался явью. И девушка не давала ему покоя. Он уже где-то слышал про туфельку.

В горы расхотелось. Весь день он сидел в саду, вдыхал ароматы роз, протуберанцев и мечтал.

* * *

– Где же моя туфелька?

– Может вы потеряли ее в другом месте?

– Нет, я уверена, что здесь.

– У вас нет другой обуви?

– Мне нужна эта, без неё я не могу уйти.

– Давайте поищем, сударыня.

* * *

Идти никуда не хотелось. Он встал, выпил кофе и снова лёг. Он не мог думать ни о чем, кроме девушки. Кто она? Почему так настойчиво ищет туфельку? Куда не может уйти?

Шли дни. Дни сменялись ночами. Он уже и сам не понимал, где сон, а где явь.

Однажды к дому подошла хозяйка кафе. Она долго стучала, вглядывалась в окна, но он не вышел. Та, с одной туфелькой, казалась реальной, чем эта, стоящая за калиткой.

Несколько раз звонили друзья. Он отвечал кратко, непре-

менно подчеркивая, что жив и здоров. В конце месяца сам позвонил в офис, сказался больным и попросил продлить отпуск.

* * *

Сегодня он бродил по залам один. Он искал ее, звал, но девушка не появилась.

* * *

Утром он не мог думать ни о чем, кроме блондинки в туфельке. Где она? Неужели ушла навсегда? Сердце разрывалось и ныло. Тоска пропитала каждую клеточку тела. Он подошёл к зеркалу. Оно не отражало его. Там виднелся силуэт девушки. Она приветственного помахала ему, а потом вскрикнула:

– Моя туфелька, принеси ее.

Он, не задумываясь, шагнул вперёд.

* * *

После похорон риэлтор позвонила хозяину:

– Господин Принз, надо что-то решать, это уже четвёртый арендатор, умерший у зеркала, может его убрать?

– Нет. Прадед купил дом с зеркалом. А на ступеньках нашёл осколки хрусталя, и обрамил ими раму. Теперь это семейная реликвия. Давайте попробуем сдать ещё раз. И обязательно молодому одинокому мужчине.

Елена Горбунова

Дядюшка Мокус

– Привет, Наташа, проходи, – сказала Юля, собираясь на работу в ночную.

– Привет, привет, – сказала Наташа, – это тебе, – она протянула подруге конфеты. – На работе чай попьёшь.

– О! Спасибо, не помешает, – ответила Юля. – Миша'ньку уже покормила. Посмотрите мультики, и укладывай его спать. Да, кстати, я тут урвала по скидки свинину, сделала котлеты. Ещё горячие. Попробуй, скажешь, как получились.

– М-м-м, аромат даже здесь чувствую, – Наташа сглотнула слюну. – Я как раз не ужинала. Мы же не едим после шести? Правильно?

Подруги расхохотались.

– Если бы ты знала, как меня достали эти ночные смены, – пожаловалась Юля.

– Ну что поделать, – подхватила Наташа, разуваясь. – Работа есть работа. Не волнуйся, у нас всё будет нормально.

– Короче, не скучайте, – попрощалась Юля.

– Удачной смены, – сказала Наташа и закрыла за подругой дверь.

«Хорошо бродить по свету, с карамелькой за щекою, и ещё одну для друга...» – по телевизору шёл советский мультфильм «Приключения поросёнка Фунтика».

– Тётя Наташа! – обрадовался Мишаня маминой подруге.

Она одобрительно потрепала малыша по волосам.

– В детстве я тоже любила смотреть про Фунтика.

– А можно посмотреть вторую серию?

– Твоя мама сказала, что только один мультик

– Ну, тётя Наташа, ну пожалуйста, – упрасивал малыш.

– Хорошо, только это наш секрет. Посмотрим ещё одну серию.

– Честно, Честно? – спросил Мишаня фразой из мультика.

– Честно, честно, – улыбнувшись, подхватила Наташа.

К концу мультфильма малыш уже спал. Наташа выключила телевизор, и потихоньку вышла из комнаты.

На кухне поставила кипятить чайник. Зажгла конфорку над сковородой с котлетами.

– У-у-у-у, котлеты из Фунтика, – приоткрыла Наташа крышку сковородки, вдыхая аромат котлет.

Съев одну котлету, она налила чай. Достала из сумки конфеты и книгу. Перелистывая страницу за страницей, уплетала сладости.

Вдруг ей послышался какой-то шорох.

– Миш, ты там не спишь, наверное? – прошептала она. – Пойду-ка посмотрю.

Приоткрыла дверь в детскую: малыш спал.

– Наверно, показалось.

Но на всякий случай пошла в зал. Может, там телевизор не выключен или радио шипит. Нащупав в зале выключа-

тель, она щёлкнула клавишей.

– Фу-у-у, какая мерзкая кукла, – прошептала она.

Кукла сидела на комодe у зеркала – вылитый дядюшка Мокус из мультика. Она выключила свет, и пошла на кухню читать книгу, и допивать чай.

На столе завибрировал телефон. Звонила Юля.

– Как у вас дела? Мишаня спит?

– Да, уже спит. У нас всё нормально. Пробую котлеты: обалденные.

– Спасибо, старалась.

– Тебе спасибо за котлеты. Юля, ты, когда успела купить эту куклу?

– Какую?

– Ростовую, похожую на дядюшку Мокуса из мультика про Фунтика.

– Нет там, никакой куклы.

– Как нет, я же сама видела.

– У нас на диване есть куклы, но они маленькие, показались тебе, наверное. Слушай, давай перезвоню: сегодня начальница не в духе, я отчёт не доделала – и бросила трубку.

Недоумевая, Наташа пошла снова в зал. На диване она увидела куклу клоуна, потом посмотрел в сторону комода, над которым висело зеркало. В отражении клоун недобро улыбался девушке.

– Боже, кажется, я схожу с ума, – расхохоталось девушка. – А клоун всё равно мерзкий.

Телефон снова завибрировал. Перезванивала Юлия.

– Ну что там у тебя? Дальше рассказывай.

– Да всё нормально, это я увидела в зеркале отражение клоуна и приняла за дядюшку Мокуса из мультика.

– Наташка, признайся, тебя дядюшка Мокус возбуждает? – съехидничала подруга.

– Да, ну нет, что ты, – отнекивалась подруга. – Хотя почему бы и нет...

– Слушай, заведи себе друга, ну или вибратор купи. Мне лично помогает, когда муж в командировках, – съюморила Юля.

– Мне на день рожденья подаришь? – спросила Наташа.

– Договорились.

– Только, чур, не свой.

Подруги расхохотались.

Наташа, налила ещё чая и перелистнула страницу книги. Вдруг опять раздался шум, похожий на тот, что был до этого. Поперхнувшись, она закашляла. Лёгкий холодок колкого страха чернильным пауком прокатился по спине.

– Что ж такое? – прошептала девушка, и пошла, обследовать квартиру.

Заглянула в комнату: малыш спит. Заглянула в зал: всё в порядке, она лишь подмигнула, отражавшемуся клоуну в зеркале. Включив в коридоре свет, девушка вскрикнула от ужаса. В прихожей рядом с ботиночками малыша и её бо-соножками стояли огромные цветные ботинки клоуна. Де-

вушка, кривя губами, рассматривала обувь незваного гостя, глаза её расширялись от ужаса.

– Неужели мы с Мишей не одни в квартире? – прошептала она.

И в этот самый момент почувствовала удар по голове. В мутном тумане девушке показалось, что дверь словно поплыла, она хотела опереться о стену, но упала на пол.

– Наташа, что с тобой? Очнись, – трясла Юля за плечи, лежавшую на полу подругу. Юля набрала в бокал холодной воды и побрызгала на лицо, лежавшей девушке.

Наташа стала приходить в себя.

– Фу-у-у, – прокряхтела Наташа, вытирая со рта застывшую рвоту.

– Наташа, вставай, сходи в ванную и ложись на диван отдыхать.

После ванны девушка легла в зале.

– Мишаня не просыпался, пока я была в отключке?

– Спит пока ещё, – ответила Юля, – слава богу, не просыпался, а то перепугался бы.

– Тебе лучше?

– Да, вроде получше.

– Ты может съела что-то не то? Что ела-то вообще?

– Только котлеты, – ответила Наташа, с ехидством добавив: – Из Фунтика.

– Ну, раз юморим, значит, дело на поправку идёт, сейчас

чай покрепче заварю.

– Честно, даже не помню, что произошло, – жаловалась Наташа.

На кухне Юля поставила чайник на огонь, включила телевизор.

– «Изымается из продажи партия свинины. Мошенники реализовали большую партию свинины со складов воинских запасов сорокалетней давности. По всей области проходят проверки...» – вещал ведущий утренних новостей.

Виталий Тергалинский

Айболит

Скорая, надрывно завывая, неслась по проспекту, за ней следовали вторая и третья, прохожие оглядывались им вслед и недоуменно переговаривались.

– А что случилось?

– Да на пересечении улицы Волкова с Заячьим проспектом произошла авария. Столкнулись трамвай и автобус, говорят, есть пострадавшие.

Обсудив причины аварии: кто виноват, а кто нет, граждане разошлись по своим делам.

На перекрестке скорые с воющей сиреной пронеслись на красный свет, сбив на пешеходном переходе зайчика на велосипеде. Последняя машина скорой помощи остановилась. Два бравых пса-санитара выскочили с носилками, уложили на них зайца и велосипед, затолкали их в машину и помчались дальше. Все три машины с визгом остановились у главного входа здания.

Это была всем известная частная клиника доктора Айболита, каждый житель этого прекрасного городка мечтал лечиться у знаменитого доктора, но не все могли себе это позволить. Считалось великой удачей попасть к Айболиту, все знали о профессионализме доктора, он творил чудеса, и если повезет, то знаменитый доктор, по одному ему известной причине, мог вылечить вас бесплатно.

Яхта «Новая Африка» с радушно открытыми дверями встречала новых пассажиров. Мамы и папы с детьми с веселым гомоном заполняли палубы судна, восхищенно разглядывали убранство яхты: персидские ковры, мраморные статуи, инкрустированную слоновой костью старинную мебель.

Встречающая их дама с улыбкой на устах приветствовала вновь прибывших:

– Дорогие мои зайчата, медвежата, лисята, ежата и другие представители нашего прекрасного города, мы рады приветствовать вас на борту нашего судна. Мне очень приятно, что именно вы выиграли это незабываемое путешествие в заморскую страну и сможете великолепно отдохнуть и повеселиться. Для начала предлагаю спуститься всем в большой холл, там вам будут предложены: прохладительные напитки, легкие закуски и веселая музыка.

Когда последний пассажир спустился в холл, Варвара закрыла за ними дверь. Яхта, отдавшвартовы, отчалила от пирса и ушла в синие дали.

В приемном покое клиники сова оформляла вновь прибывших, распределяя их по отделениям и палатам. Мило улыбаясь, она уверяла всех, что доктор Айболит навестит лично каждого больного и поможет в выздоровлении.

Зайчику было больно, он лежал на белоснежных простынях и тихо плакал, мама зайчиха нежно гладила его по голове и подбадривала, убеждая, что все будет хорошо. Двери в палату распахнулись, и к изголовью больного приблизился Ай-

болит. Осмотрев зайчика, он повернулся к зайчихе и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.